

1917 В САТИРЕ

СОСТАВИЛ
С. ДРЕЙДЕН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 8

С. ДРЕЙДЕН 1917 В САТИРЕ

1917
В САТИРЕ

составил

С. Д. ДРЕЙДЕН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Обложка работы

Л. С. ХИЖИНСКОГО

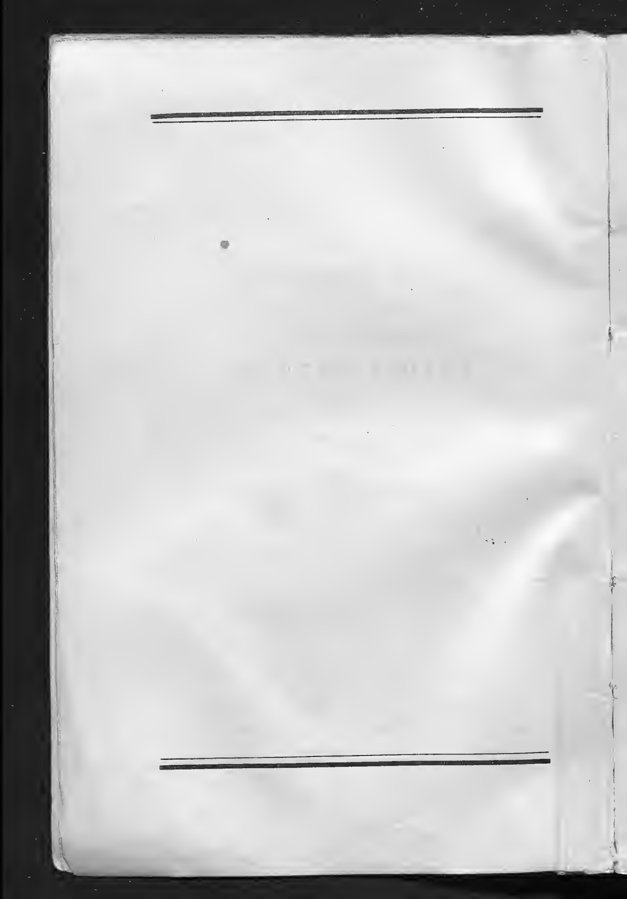
Типография „Печатный Двор". Ленинград, Гатчинская, 26.

А, 15. Гиз № 23923/л. Ленинградский Областлит № 145. 13¼ л. Тираж 3000.

С. ДРЕЙДЕН

САТИРА 1917 ГОДА

ВВЕДЕНИЕ

I

Жестокая реакция сменила дни «свобод». Она сторицею расплачивалась за оскорбления и «богохульство» первой революции. О сколько-нибудь острой легальной сатире в предфевральские дни 1917 года не приходилось и думать. Сатиру заменила юмористика. Журналы наиболее крамольные, и те вынуждены были пробавляться фотографиями коров, «которых Марков 2 (черносотенец) пишет через ять», карикатурами на тещ, равносильных железнодорожной катастрофе, и дружескими советами читателю:

— К телефонным проводам
Никогда,
Господа,
Не пускайте лишних дам!.. [1]

— «О, сотоварищи по языку! Есть у вас выход, какого не может быть проще: пусть Дума, забывая тоску, говорит отныне о теще», советовал депутатам Государственной Думы, речи которых исказила цензура, московский «Будильник» в номере от 26 февраля 1917 г.

Загнанные в узкую щель семейно-обывательских вопросов, журналы могли лишь сообщать читателю, что:

[1] Как этот, так и дальнейшие примеры подцензурной сатиры взяты из «Бича», «Будильника» и «Нового сатирикона» за январь — февраль 1917 года.

«в следующем номере *не* будут напечатаны фельетоны и стихи, иллюстрированные лучшими карикатуристами, на темы о

а) внутренней политике,

б) продовольственном вопросе,

в) цензуре, и другой злободневный материал.

По независящим от нее обстоятельствам, редакция просит считать злободневным, полным общественного интереса и значения старый фельетон одного из сотрудников о рыбной ловле и других развлечениях».

И продолжали печатать «руководства о трамвае и вообще», продовольственные пословицы, стихи, что «брюква правит бал», перемежая их с карикатурами на черносотенных гласных или даже на самого городского голову («Ему кухарка приносила столько продуктов на дом, что даже некогда было подумать о дороговизне»).

Хорошо было редакторам юмористических журналов уже в медовый месяц революции печатать сообщения о том, какие мол бесстрашные рисунки отсылались ими в цензуру. Задним числом припоминались и Таврический дворец, в котором «выход и спасение», и сам «Сатирикон», грызущий цензорские карандаши с предупреждением «Терпение, читатель! Еще недолго осталось ждать!», и все то, что могло дать этим сатирикам свидетельство о «подпольном стаже».

На деле же перед читателем болтались все те же «тещины языки» юмористической литературы, умело щекотавшие в пределах благомыслия и христианской веры...

Молодой Рабинович ушел от папы и мамы
За два года почти до появления усов, —

сообщал «Сатирикон» в последнем подцензурном номере, помеченном 2 марта 1917 г., сдабривая это злободневное стихотворение остротами про «летний спорт»:

— «Знаете, m-elle, я совсем научился ходить на лыжах. Только снег мешает»...

Лишь немногие сатирики ухитрялись подняться над этим болотом. И если «Новый сатирикон», а вместе с ним и другие «Стрекозы» приберегали весь свой буревестнический пыл до бесцензурных дней, то такие журналы, как «Бич» и «Будильник», все же пытались вырваться из черты оседлости тогдашних юмористов. Нет-нет, а в этих журналах проскальзывали вещи, говорящие о бо́льшем, чем рощение усов молодого Рабиновича.

26 февраля, в тот день, когда десятки тысяч питерских рабочих вышли на улицу, а председатель Думы Родзянко телеграфировал царю о необходимости составить новый кабинет, «Газета Бича» демонстрировала длинный ряд строчащих бюрократов, снабжая это подписью «На Шипке все спокойно»... А накануне в том же журнале Василий Князев печатал аллегорическое стихотворение «Зима не вечна...», сопровождая его колкой эпиграммой о «распутице»:

Черный шут попал в божки...

И не вина, конечно, этих журналов, что «распутица» слишком редко проникала на их страницы, с величайшим трудом прорываясь сквозь проволочные заграждения военной цензуры. Ибо острить — в условиях российской конституционной империи — было, конечно, можно, но острить только так, чтобы «дураку было смешно,

сукину сыну не обидно» (Салтыков-Щедрин). А как его не обидеть, если даже слово «дурак» цензор относил на счет Протопопова. [1]

С особой силой цензорский гнет испытывали на себе рабочие, социал-демократические писатели. В атмосфере всеобщей литературной «барабанщины», белобилетного, наигранного патриотизма они подымали свой голос против войны, и требовались всяческие уловки, чтобы он был услышан читателем.

Так, противовоенная басня Демьяна Бедного «Пушка и соха» смогла увидеть свет лишь в одном из скромнейших... кооперативных журналов, а в газете перепечатывалась в отделе сельскохозяйственных орудий.

Облеченные в тончайшую басенную форму, умело балансировавшие на границе дозволенного и неизменно бившие в корень событий, стихотворения Демьяна Бедного, С. Басова и некоторых других были, пожалуй, наиболее сильными и острыми в сатирической литературе того периода.

Однако, их было немного, и то, что было, не могло насытить все острее чуявшего революцию читателя. Не мог его удовлетворить и тот «эзоповский язык», к которому прибегали авторы. Сатирические приемы 1905 г. с «корейцем Колей Р.» и «Долой ромашку» уже были слишком пресны.

И когда Ал. Амфитеатров напечатал в «Русской воле» «Этюд», возвещавший в неуклюжей форме анаграммы («Рысистая Езда Шагом Или Труспой—Есть Ледяное Непоко-

[1] В январском номере «Сатирикона» цензор вычеркнул из подписи к шаржу Амфитеатрова «Может много вреда принести неосторожному дураку» последнее слово, усмотрев в том — и справедливо — намек на Протопопова.

лебимое Общественное пастроение» и т. д.), что «Решительно ни о чем писать нельзя, предварительная цензура безобразничает чудовищно!», то читатель оценил это только как мальчишескую выходку, как истерический «кукиш в кармане» [1]...

Условия цензурной гласности не позволяли развернуться оппозиционным настроениям ни писателя, ни читателя. И это естественно обеспечивало бурный рост нелегальной, устной, подпольной сатирической литературы.

От ядреной народной частушки («Царь посеял чечевицу, а царица виноград, царь продал всю Россию, а царица Петроград»), от хлесткого солдатского присловья и до салонной, аристократической эпиграммы («Теперь я вас предупреждаю, военного министра пост займет, как я наверно знаю, преосвященный Феогност») и обывательского анекдота — таков огромный диапазон нелегальной сатиры этой эпохи.

В мартовские дни 1917 г. при обыске в кабинете директора департамента полиции была найдена целая серия как русских, так и иностранных открыток, «ниспровергавших существующий порядок». [2] На одной из них изображен Н. Романов у проруби, из которой торчит голова Распутина.

И подпись:

— «Не будет ли каких-нибудь приказаний?»

На другой—А. Ф. Романова переговаривается по телефону с Вильгельмом.

Столь же откровенны были и анекдоты, широко распространенные как на фронте, так и в тылу.

[1] См. «Дневник» В. Каррика в «Голосе минувшего» за 1918 г.
[2] Газ. «Свободные мысли» (П.), № 2, 14 марта 1917 г.

— Кто кредитоспособнее — Николай II или Вильгельм?

— Конечно, Николай II. Он, что ни возьмет, все отдаст...

«Людям вид, Алеше драма,
В вечном трауре дворец:
Наши бьют — горюет мама,
Наших бьют — смущен отец» —

писал впоследствии один из «историков дома Романовых»,[1] перефразируя известный анекдот 1915—16 гг.

А сколько таких анекдотов осталось незаписанными, сведенные на-нет февральским переворотом...

II

— Возьмите вашу корону, гражданин! Она не нужна больше России!

— Этими словами «приветствовал» Николая Романова карикатурист первого свободного номера «Будильника».[2]

И естественно, первые дни были днями дружного и радостного обличения «господ Обмановых», олицетворявших для широких слоев читательской массы старорежимный уклад.

Вслед за журналами, на все лады склонявшими грехи особ «григорианского» (от Григория Распутина) вероисповедания,[3] на улицух хлынул мутный поток дешовой обличительной литературы, протаскивавшей сплошь и рядом под удобным сатирическим предлогом откровенную порнографию.

[1] Эм. Кроткий. Повесть об Иванушке-дурачке. П. 1918.

[2] «Будильник», № 10, март 1917 г. Шарж Д. Моора.

[3] «Новый сатирикон» № 12, 1917 г.

«Сказка о царе дураке, о царице-блуднице и Гришке-распутной шишке», «Веселая книжка про любовные делишки конокрада Гришки», «Царский клоповник», «Сказка о царских министрах в жульничествах быстрых», «Житие неподобного старца Гришки Распутина», «Акафист царю Николашке», «Загробный Гришки Распутина высочайший манифест», «Акафист Гришке Распутину», «Темные сны в царскосельском дворце», «Похождения Распутина», «Дневник Распутина», «Раешник, как царь и министры Россию продавали», «Царские амуры», «Тайные похождения Алисы», «Любовник гвардеец Орлов», «Ника милуша и Гриша», «В сетях дьявола», «Ликвидация торгового дома «Николай II и К-°», «Песнь тройке окаянной», «Царские холопы», «Гришка в аду», «Тайны охранки», «Тайны дома Романовых», «Тайны царскосельского дворца», «Тайна рождения б. наследника и придворная камарилья», «Любовные похождения Н. Романова», «Сказка про царя Николашеньку и танцовщицу Машеньку»—это только незначительная часть той обличительной литературы, которая заполнила рынок.

Дело было в Петрограде,
Дело скверное, друзья!
Не угодно ль в серенаде
Вспомнить люты времена —

запевал из г. Воронежа «гражданин Лев Гольдман», на мотив «Дело было под Полтавой», беспощадный «гимн крови и разврату».

И в ответ ему десятки петроградских Бывалых, Херсонских, Гренадеров Тарасов и т. д. обличали дом Романовых, на все лады рассказывая, как

Праздно, весело в столице
Николай живет с царицей,
Есть у них уж и приплод:
Сын наследничек растет
(Говорят, не от царя,
И, должно, не мелют зря).
Кроме сына есть и дочки,
Что лазоревы цветочки.
А всего-то пять ребят,
По-немецки все пищат...[1]

От этой трехкопеечной литературы, мимо которой исследователь пройти не может, ибо обслуживала она громаднейшие слои грамотного и полуграмотного населения России, мало чем отличалась и сатира большинства как новорожденных, [2] так и старых журналов.

— Смеются над тобой до колик,
Царь вешатель, кретин и алкоголик!

[1] Гренадер Тарас. «Русская история в стихах». П. «Сеятель», 1917.

[2] Любопытно приэтом отметить, что в первые же мартовские дни была сделана попытка оживить гремевшие когда-то журналы 1905 г. Однако приняты они были более чем сдержанно. И «Заноза», закрытая в 1906 г., и «Пламя свободы» с тусклыми «эзоповскими» виршами «Из современных песен не Беранже» и робкими, кустарными рисунками не могли уже тронуть читателя. Времена были уже не те!

Бóльшую живучесть обнаружили новые журналы, твердо ориентировавшиеся на «распоясанную улицу». Один из них—«Трепач»—так и назывался «журналом сатиры, юмора, быта и вопче новой распоясанной России». «Дан в лето пьянствования нашего 32-е, редакторства же нашего 1-е—такими манифестами потчевал читателя редактор «Трепача» Богоявленский, всячески склоняя свой девиз «бей, я его знаю». Недалеко ушел от «Трепача» и

— Я дочь Германии, любимица Вильгельма,
В делах шпионских первая я шельма.
Вдова Распутина, супруга идиота,
Я шлю Германии сочувственные ноты.

— Николаша дурачок,
Без характерца,
Нелюдимка, чудачок
Слабоумпенький...

— Ходит Колька у ворот...

— Саша любит Гришу,
Гриша любит Сашу —

склоняли на все лады порозовевшие от возмущения «Стрекозы» и «Всемирные юмористы», тут же начиная печатание порнографических романов «Любовник императрицы», «Тайны дома» и т. д... [1].

Так провели медовый месяц свободы русские юмористические журналы. Свергали уже свергнутого царя, клеймили уже заклейменных царских министров и рассчитывались с уже получившими расчет царскими «цензорами» — указывал один из тогдашних журналов, [2] столь же повинный, как и другие, в этом грехе.

«орган беспощадной и острой сатиры»—«Пугач», острота и беспощадность которого обнаружилась в первом же номере:

— Ведь вы на подводной лодке плаваете?
— Да сударыня, это моя специальность.
— Страшно под водой?
— Наоборот! Под водой меня не преследует теща!

Теща, однако, доживала последние дни. Ее место вскоре заняли большевики.

[1] «Стрекоза» (П.), № 19, «Всемирный юмор» (П.), № 16 и т. д.
[2] «Пулемет» (П.), № 9.

В одной из статей Л. С. Сосновского [1] рассказывается, как один из виднейших работников соглашательской «Новой жизни» с усмешкой заявил в февральские дни 1917 г. Демьяну Бедному:

— Ну, что же, ваше дело кончено! Сатирику теперь делать нечего!

Так же думали первые дни и большинство буржуазных сатириков.

— Романовы свергнуты, городовых не видно, а посему не спеть ли в тысячный раз —

— Надо Алисе
Ехать назад!..
Адрес для писем:
«Гессен-Дармштадт!»
Фрау Алиса
Едет «нах Рейн».
Фрау Алиса
Ауфвидерзейн! [2].

— «Нас было трое, — рассказывал сотрудник «Биржевых ведомостей» в № от 31 марта, [3] — злободневный фельетонист, художник-карикатурист и поэт-сатирик.— Сидели мы втроем в редакции, задумчивые и грустные, и от времени до времени меланхолически смотрели на блюдо, на котором лежали до-чиста обглоданные кости Распутина.

— Может, осталось еще что-нибудь? — с тоскою спрашивал сатирик, но, повертев в руках берцовую кость, злобно швырял ее на стол и хватал себя за голову:

[1] Предисловие к т. II Собр. соч. Д. Бедного. Гиз. 1926.

[2] «Синий журнал», № 11, 1917 г. «Фрау Алиса» Н. Агнивцева.

[3] «Биржевые ведомости», веч. вып. № 16163. 31 марта 1917 г.

— Ничего!

— Где уж там остаткам быть? — вздыхал фельетонист. — Целый месяц втроем питаемся им, а тут еще и хроникеры примазались. Предупреждал же я, не давайте хроникерам!

— А что, господа? — с робкой надеждой спросил художник. — Ничего, если я еще раз изображу министров в крепости? Сидят они, понимаете, а вокруг...

Фельетонист раздраженно пожал плечами и сплюнул, а сатирик огрызнулся:

— Как это вам не надоело, право!

— Я ничего... я так только спросил... — забормотал художник и увял пуще прежнего...».

III

Время, однако, шло, и чем сильнее разворачивались события, тем очевиднее становилось, что революция только начинается и никакие компромиссы с буржуазией, никакие заигрывания «заложников революции», соглашателей-социалистов с «конституционными демократами» не могут остановить движения рабочих и крестьянских масс.

В каком же состоянии застало это движение так называемые «лучшие силы» русской сатирической литературы?

Да пожалуй, в том же, в каком находились они еще за сорок лет до февральских дней 1917 г., когда Ф. М. Достоевский мог с полным правом указывать, что «сатира наша, как ни блестяща, страдает некоторой неопределенностью. Положительно нельзя сказать иногда, что хотелось сказать нашей сатире. Так и кажется, что у ней самой нет никакой подкладки. Чему она сама-то верит? Во имя чего обличает — это как будто тонет во

мраке неизвестности. Нельзя никак узнать, что сама она считает хорошим».

— Я хочу остаться тем, чем был досель: вольных рифм крутить беспечно карусель, мысли буйные ловить, низать и вить, и смеяться, и брыкаться, и язвить. Без принципов, без наказов, без программ, строить рожи всем ученым докторам, умных авторов надрывно скучных «Вех» поднимать неукоснительно на смех. И кричать на них: «Ату! Ату! Ату!». И ловить на эпиграмму на-лету![1]

Вот та программа максимум, которую развертывали перед читателем сатириконские поэты.

Революция, однако, предъявляла к ним несколько бо́льшие требования, чем эта беззаботная юмористическая карусель «без принципов, без наказов, без программ»... И естественно, что перед строем этих требований, четко и безоговорочно сформулированных, большинство сатириков, привыкших к поверхностному и, по существу, ни к чему не обязывающему «оппозиционерству», растерялось.

Дешового либерализма, которым жили они в 1905 г., уже не хватало. А на одном беззаботном хихикании да беспринципном балагурстве политического капитала не приобрести.

— Когда-то мне заткнули б рот,
Содрали б шкуру!
Теперь чего бояться! Вот:
Долой цензуру!!! —[2]

кричали они вместе с обывателем в мартовские дни.

— Околоточный дурак!!!

[1] «Бич», № 16, апрель 1917 г.

[2] «Новый сатирикон», № 18, 1917 г. «Околоточный дурак!» — см. рассказ Тэффи «Средний» («Нов. сат.», № 13.)

Когда же околоточный был ошельмован окончательно, то своего сказать сатириконцам было нечего. И поплелись, оторванные от живой общественной работы, в хвосте обывательских настроений, — сбитые с толку и оглушенные потоком революции.

Основными представителями этой ударной фаланги буржуазно-демократической сатиры были петроградские журналы «Бич» и «Новый сатирикон». Объединявшие «лучшие силы» дореволюционной сатиры и графики, они с наибольшей последовательностью отражали все оттенки политических симпатий (или вернее антипатий) «интеллигентного читателя».

Тот круг идей, которыми питались эти журналы, был ограничен до чрезвычайности. Это — «война до победного конца», «твердое правительство», «сытный быт» и «никаких советов»!

А сообразно тому слали «позор и проклятия» солдатам, «предавшим» Ригу, рабочие советы рисовали в виде «пришедшего хама» и правительство Керенского всемерно укоряли за мягкотелость.

И характерно, что когда махровый империалист Гучков был вынужден под напором возмущенной демократии оставить пост военного министра, то в «Биче» не нашлось ни одного слова укоризны контрреволюционной деятельности Гучкова. Наоборот! Виноват Гучков был лишь в недостатке «самоотверженности», а потому и

...«лег на бархатную травку
И поспешил подать в отставку,
Чтоб избежать подобным родом
Ответственности пред народом»[1].

[1] «Бич». № 19, май 1917 г.

Неуклонное поправение обывателя вызывало и соответствующую реакцию на страницах «Сатирикона» и «Бича». И если в мартовские дни 17 года кадетский вождь Милюков был предметом непрерывного хихикания, то в сентябре те же самые сатириконцы констатировали, что:

...«Рвется сердце на части
И губы рождают слово:
— Господи! Призови к власти
Раба твоего Милюкова»[1]

И совершенно естественно, что генерал Корнилов, — символ «твердой власти» для обывателя, — пытавшийся произвести контрреволюционный переворот, пользовался неустанной, хотя и искусно замаскированной, поддержкой сатирических журналов... [2]

Эти «неизменные принципы» буржуазных сатириков, прощупываемые сквозь оболочку либерально-паникерского «всеотрицания», не диктовали, однако, ясной и последовательной тактики. Раздираемые внутренними противоречиями (о борьбе левой части сотрудников с реакционной редакцией см. письмо Вас. Князева на стр. 27), «Сатириконы» и «Бичи» запутывались в «частностях», не давая ни на один вопрос четкого и обоснованного отклика.

Политическая беспринципность (в общих рамках буржуазного мышления), обывательская близорукость, шкурническая злоба на разруху руководили сплошь и рядом выбором мишеней для насмешек.

Подобно крыловской свинье, сатириконцы подтачивали дуб, желудями с которого питались. Повседневным глумлением над Милюковым (без ясного уразумения причин

[1] «Журнал журналов», № 30 — 31.
[2] Чрезвычайно характерен «Бич» за июль — август 1917 г.

его проливомании), над Керенским, коалицией и совещаниями они играли на руку тем — и правым и левым группировкам, — которые действительно боролись не на жизнь, а на смерть с «коалиционным строем».

Обывательские по существу, по покупателю и по происхождению, эти журналы не могли, конечно, постичь ни дальновидной тактики большевистской партии, ни подлинного соотношения революционных и контрреволюционных сил страны. Поэтому-то так смехотворны их попытки приподняться — хотя бы на цыпочках — до «высокой политики», попытки возродить прекрасный стиль гражданственного, пламенного, протестантского памфлета.

В этих целях было даже затеяно специальное издательство памфлетов — «Эшафот» (при «Новом сатириконе»).

«Эшафот» выходит в дни именин глупости и бесчестия» — значилось в его подзаголовке.[1]

Так оно и выходило.

На что уж анти-большевистское и вполне эшафотски настроенное «Русское богатство», но и то, давая отзыв об одном из сборников таких памфлетов («Красный репейник»), вынуждено было признать:

— «Вулкан, изрыгающий вату!». «Все это было бы хорошо, если бы не было облечено в безвкусно визгливую форму...»[2]

— «Памфлеты в моде, памфлеты пишут, их издают и... не читают», — недоумевал в казачьей «Вольности» редактор «Эшафота» Петр Пильский. И спешил объяснить: «Современный читатель утомлен. Сам беспафосный — он

[1] «Эшафот», №№ 1, 2, 3, 1917 г.

[2] «Русское богатство», № 17, 1917 г.

не верит ни в какой пафос. У русского читателя вынута душа... Где работает пулемет, сатирик смолкает»... [1]

Дело было, однако, значительно проще. Как ни накипело на душе у «культурного читателя», но и он не мог удовлетвориться этой бессмысленной, беспомощной, самодовольной трескотней, этой общественно-художественной импотенцией.

— Мир мы подпишем только у стен Берлина!

— Чего вы кричите? У меня ведь тоже белый билет! — [2] этой остротой о героях тыла сатириконцы прежде всего били самих себя.

И читатель превосходно знал цену их игрушечному пафосу.

Истерическое злопыхательство и беспардонное фразерство этой публицистики с особой тщательностью культивировались в «Пулемете», приобревшем незаслуженную славу в 1905 году. Увлеченный псевдо-левой фразой, этот журнал вел открыто погромную линию против рабочей демократии и партии большевиков, конкурируя по лживости и глупости инсинуаций с последними из черносотенных газет.

Политическая вера «Пулемета» была так же шатка и расплывчата, как и у сотоварищей его по работе. В мае — июне 1917 г. он сквозь проклятия «резолюционерам» пытался петь славословия Керенскому, возглавлявшему «Правительство величайшего подвига, величайшей признательности и благодарности», а в январе 1918 г. подверг жесточайшей травле «рыцаря великого подвига», воспро-

[1] Газ. «Вольность» (П.), № 12, 22 октября 1917 г.

[2] «Нов. сат.», № 17, 1917 г.

изводя договор о Брестском мире с кровавым отпечатком пальцев Керенского — «Руку приложил. Керенский». [1]

На перегоне между этой «сатирой» и черносотенно порнографической литературой стояли многочисленные юмористические журналы («Стрекоза», «Всемирный юмор», «Весельчак», «Фарс» и др.), специализировавшиеся на семейно-винно-альковных темах. Политики они касались только под подобным «профессиональным» углом зрения. Тупое «издевательство» над Романовыми и большевиками, да остроты в роде

— «У тебя пять любовников. Мне эта «директория» совсем не нравится» — [2] вот, в сущности, и весь незамысловатый «политический» репертуар этих журналов. [3]

Наибольшую последовательность в проведении каких-то определенных политических принципов обнаружили те уличные «Трепачи», речь о которых мельком была уже выше. Из всех контрреволюционных журналов эти черносотенные органы (журналы «Трепач», «Пугач», газеты «Тачка», «Живое слово», «Маленькая газета»), были, пожалуй, наиболее принципиальными. Они-то знали, чего хотели, и медленно подводили читателя к умиленным воспоминаниям о «добром, старом, православном прошлом».

---

[1] «Пулемет», №№ 9 и 12.

[2] «Стрекоза» № 37, 1917 г.

[3] Фельетон буржуазных газет («Русская воля», «Биржевка», «Свободные мысли» и др.) обслуживался теми же сатириконовцами. Большинство официозных правительственных и партийных газет фельетона избегало. Исключением являлись меньшевистские московские «Вечерние известия», пытавшиеся использовать опыт большевистской «Правды».

В этих журналах «четвертого класса», соединявших откровенную юмористическую политуру с аляповатой порнографией, шла методическая обработка самых «темных», массовых слоев читателя в определенном, ясно-выверенном «патриотическом духе».

«Гм... жидковат!» —[1] восклицает один из художников «Стрекозы», рисуя большевика, и под этой остротой могли бы подписаться многие из «Трепачей» 1917 года.

«Мы не антисемиты, но благодарим покорно за Русь» — кричало крупными шрифтами погромное «Живое слово», живописуя ужасы еврейского засилья...

Антибольшевистская пропаганда упиралась здесь в погромную агитацию, погромная агитация — в монархическую пропаганду.

В этом ряду не рабочих сатириков — от «Пулемета» до «Трепача» — совершенно особое место заняли интернационалистская «Новая жизнь» (Эмиль Кроткий, Вас. Князев, О. Л. д'Ор, Вл. Маяковский и др.) и полуинтернационалистский «Будильник», (литераторы — Скандербег, Никулин, Л. Митницкий, К. Милль-Полярный и др., художники Д. Моор, Д. Грус и др.).

Они представляли те радикальные слои российской интеллигенции, которые ставили своей задачей борьбу «с всесветным мещанством и обывательщиной». На этом пути и «Будильник» и «Новая жизнь» проводили нужную работу по разоблачению истинной природы мартовских социалистов и перекрасившихся монархистов.

Однако, едва лишь требовалось дать политическое разъяснение этой расплывчатой формулы «борьба с ме-

[1] «Стрекоза», № 40, 1917 г.

щанством» и точно определить своих социальных друзей и соратников, как все перемешивалось и новожизненцы запутывались в паутине столь же обывательских противоречий, борьбу с которыми ставили своей задачей.

IV

Единственным пунктом, в котором с исключительным единодушием и откровенностью сходились решительно все — и розоватые, и черно-красные, и просто черносотенные сатирические органы того времени, был вопрос о большевиках.

В разгаре июльских событий «Трепач», со свойственным этому органу изяществом стиля, чистосердечно публиковал нижеследующее меню российского газетчика:

«В 1905 году поедом ел союзника.

В 1908 году жевал октябриста.

В 1914 году лопал Вильгешку, пока не обглодал дочиста.

В 1917 году трескает большевика». [1]

«Сотрудники юмористических журналов благоденствуют — указывал в «Путеводителе по новой прессе» [2] Мих. Ефимов: «У жен газетных сатириков появились замшевые ботинки до колен. По чистой совести, могу ли я, литературный человек, серьезно ругать «Правду»?

Травля большевиков велась организованно и дружно.

Сбиваясь в мелочах, путаясь в частностях, желтые сатирики волчьим чутьем почуяли в большевиках своих действительных, жизненно-страшных врагов. На то хва-

[1] «Трепач», № 19, 1917 г.

[2] «Журнал журналов», № 18, 1917 г.

тило у них дальновидности, чтобы понять, что Ленина и ленинцев не оторвать от многомиллионной массы рабочих и крестьян, выходивших на арену политической борьбы.

И в лице большевиков они пытались «растоптать и уничтожить» вот эту самую революционную массу, ставившую палки в колеса колымаге буржуазного благополучия.

В ход были пущены и клевета, и подлог, и беззастенчивая матерщина, и откровенные антисемитские выпады. С особой ловкостью использовали факт проезда политических эмигрантов, среди которых были и большевики, через германскую границу. Легенда о немецких деньгах старательно, любовно и настойчиво муссировалась в желтой печати с первых же апрельских дней.

От сравнительно «миролюбивых» описаний приезда Ленина в Питер:

— В руку Кайзера играя,
Неожиданно на сцене,
Появился русский Ленин,
Очень добрый большевик —[1]

они тотчас же перешли к точным выкладкам и вычислениям, сколько именно серебренников получили большевики от Вильгельма.

«Неделя прошлая была кровавая, неуклюжая и корявая, — Вильгельм шпиков своих возьми да и науськай...» —[2] так объяснялись в «Трепаче» причины массового движения рабочих, солдат и матросов в июле 1917 года.

---

[1] «Барабан», № 8, 1917 г.
[2] «Трепач», № 14, 1917 г.

Необходимо приэтом отметить, что политическая обстановка первых дней и месяцев Февральской революции значительно содействовала процветанию этой клеветнической кампании.

«Весь этот треугольник: немецкий штаб — контрреволюционеры — большевики не был просто голой выдумкой фальшивомонетчиков охранки. Нет, на нем была своего рода печать действительности, только преломленной через перепуганное воображение слепенького и гнусненького мещанина. Непосредственно могло действительно казаться, что политика большевизма облегчает наступление Гогенцоллерна на молодую, только еще развертывавшуюся революцию. Но суть-то в том, что большевистскую политику нельзя брать в разрезе одного лишь сегодняшнего дня. В своем развитии именно большевизм оказался смертельным для империи Гогенцоллерна». [1]

В ожидании же тех дней, когда история покажет, кто прав и кто виноват, кто искренен и кто продажен, желтая печать со всех концов пыталась поддеть и «унизить» партию пролетариата.

— «Или мы, или немцы и те, кто с ними!» — истерически вопил разоблачитель Бурцев в «Общем (с черносотенцами) деле», печатая анекдотические списки германских шпионов, — от Ленина и до Максима Горького включительно.

— По небу полуночи Ленин летел
И песню анархии пел...

— «Ленин — мать всех пороков».

---

[1] «Правда», № 161, 19 июля 1927 г. «Политика дальнего прицела» Л. Троцкого.

— Не так страшен Вильгельм, как его малютки (то есть ленинцы) — в один голос кричали читателю и «Пулемет», и «Бич», и «Русская воля», и всевозможные «Без лишних слов».

Не удовлетворяясь «политическими» разоблачениями, желтые сатирики стремились опорочить ненавистных им большевиков и с бытовой, этической, «интимной» стороны.

— «Я большевик и ничто уголовное мне не чуждо» — вот та характеристика большевиков, которую пытались всучить перепуганному, на десятки замков запиравшемуся, обывателю сатириконцы. И не было предела той развязности, с которой смаковались «тайны дома Кшесинской».

Беззастенчивый «Пулемет» печатал порнографические поэмы об Адаме, Еве, змее и осле с рассказами о том как Ева изменила Адаму с ослом и «от этой связи родился большевик». Цикл схожих с этим стихотворений «Об — извините — большевиках» — публиковала «Свободная Россия», выходившая под лозунгом «Граждане, берегите Керенского». А исполнительный «Пугач», так тот еще за три месяца до Октября обнародовал полный список большевистского кабинета с «председателем совета министров и министром чужой собственности Лениным» во главе [1].

В одном из «почтовых ящиков» сентябрьского «Нового сатирикона» мы находим любопытную заметку, адресованную некоему Гузинаки [2].

---

[1] «Пулемет», № 9, 1917 г., «Свободная Россия», № 2, 9 мая 1917 г., «Пугач», № 16, «Барабан», № 9, «Новый сатирикон», № 43 и т. д.

[2] «Новый сатирикон», № 37, октябрь 1917 г.

«Этот туземец, — сообщает «Новый сатирикон», — клеймит большевиков меткими эпиграммами:

Вот Зиновьев — ах, злодей,
Он обманывает всех людей. —

Очень язвительно. Беспощадно продернут и Ленин:

В пломбированном вагоне он приехал,
И Керенскому лишь служит помехой.

Тонкий выпад. Такие все хорошие эпиграммы, что мы вам, Гузинаки, прямо-таки удивляемся, почему вы их отдаете в чужие руки? Держали бы при себе».

Явная непоследовательность. Ибо тысячи таких же Гузинаки, под какой фамилией они бы ни скрывались — Аверченко или Амфитеатров, Бухов или Куприн и т. д.,— снабжали эти же журналы столь же доброкачественными эпиграммами.

О тех нравах, которые господствовали в это время в буржуазной прессе, лучшее представление может дать открытое письмо Вас. Князева, опубликованное в сентябре 1917 года в «Журнале журналов» [1].

Редактору «Бича», А. Амфитеатрову, В. Князев сдал стихотворение «Антимилитаристическое». Что же делает Амфитеатров?

«Получив стихотворение, заказывает художнику рисунок, изображающий пылающий разграбленный город, с центральной фигурой получеловека, полунасильника. Окрещивает этот рисунок: Анархия. И под ним в виде подписи самовластно, не спрашивая на то согласия автора, помещает стихи, выкинув заглавие и последний куплет...

[1] «Журнал журналов», № 30—31, 1917 г., «Анархия» см. в «Биче», № 17, июль 1917 г.

«Господи боже мой, да разве мало я терпел в этом журнале А. В. Амфитеатрова? — вспоминает В. Князев. — «Разве мало там зарезано моих стихов? Разве не каждую неделю затыкали там мне горло? И разве я хоть раз протестовал?

К чему? Бесполезно: плетью обуха не перешибешь!

Но такой прием... прием, которого не употребляла даже царская, искусившаяся во всевозможных инквизиторских штучках цензура, такой прием свыше моих сил и терпения...

V

Всей этой стае бульварных сатириков, единым фронтом, обрабатывавших запуганного, оробевшего, городовеющего обывателя, революционная демократия, стесненная и в средствах и работниках, лишенная и специальных сатирических изданий и понаторевших в этом деле авторов, сумела все же противопоставить блестящий образец высокого публицистического памфлета и сатирического фельетона, мощный конденсатор рабочего презрения и гнева — «Правду».

— Бог «Правду» видит, да не скоро скажет.

— Хлеб-соль ешь, а «Правду» режь.

— Елозам житье, а «Правде» вытье —[1]

вопили на все лады желтые журналисты. И неустанная сила их крика, непрерывность и страстность их заверений в продажности «немецкой Кривды» были только лучшим свидетельством силы и значения «Правды».

«Правда» 1917 года явилась прекрасным образцом массовой боевой газеты, прекрасно знающей значение и силу смеха как превосходного и увлекательного средства поли-

[1] «Красный смех», № 1, 1917 г., «Нов. сат.», № 35 и т. д.

тической агитации. «Правда» знала цену хлесткого заголовка и каламбура, умея заклеймить врага въедчивым клеймом насмешки.

«Заем свободы» — «Заем неволи», предпарламент — бредпарламент, Либердан, Александра Федоровна Керенский, корнилится-керится и т. д. — эти правдистские словечки, эти большевистские «bons mots», врезываясь, впитываясь в память, сыграли не меньшую роль, чем десятки серьезных брошюр.

В противовес бесчисленным «К вопросу», начинявшим буржуазные газеты, «Правда», а вместе с ней и другие рабочие органы (в частности московский «Социал-демократ») выдвинули новый тип броской, иронически-проперченной заметки — 30 — 40 строк, — в которой под обычной маской репортажа билось живое сердце публицистики.

И, как правило, не было номера без стихотворного фельетона, занимавшего подчас 3—4 уголка в очередном выпуске «Правды».

Здесь, пожалуй, можно провести еще одну поучительную параллель с сатирой буржуазной. Рассматривая сатирическую литературу 1905 года, мы уже имели случай указать [1] на характернейшее свойство либеральных сатириков, на их полное неумение и нежелание поставить социальный диагноз событию, на неизменную переоценку ими значения и роли отдельных «героев дня», вознесенных на гребне тех или иных общественных движений. Не случайно же мимо внимания буржуазных юмористов прошли такие решающие факты, как массовое крестьянское движение августа — октября 1917 года, перерожде-

[1] С. Дрейден, «1905 в сатире». Кубуч: 1925.

ние советов (от соглашателей — к большевикам) и так далее.

Иначе обстояло дело у правдистов. Каждый фельетон Демьяна Бедного (псевдонимы — Мужик Вредный, Солдат Яшка, Костерный, Иван Заводской, Яким Нагой, Ив. Шило и т. д.) и его соратников (И. Логинов и др.) неизменно ставил факт, как бы он ничтожен ни был, в общую цепь событий, направляя свой удар против того основного, что ощущалось за его оболочкой. И недаром фельетоны «Правды» перепечатывались во всех большевистских газетах России, являясь могучим орудием повседневной агитации.

И буржуазная пресса прекрасно оценивала значение и силу правдистских фельетонов. «Это возмутительное стихотворение сконцентрировало в себе весь яд большевистской агитации» — взволнованно вопила желтая «Биржевка» в день появления на страницах «Правды» стихотворения Солдата Яшки «Приказано — да правда не сказана», требуя немедленного ареста «дерзновенного автора»...

Разительною противоположностью боевому тону «Правды» были тусклые и блеклые страницы правительственных, меньшевистски-эс-эровских газет. Ежедневный стихотворный фельетон поставлял для них министр земледелия Чернов, печатавший во всех своих официозах безграничное количество переводов из Верхарна.

Когда же эти переводы иссякали, то на смену им приходила барабанно-кумачевая лирика на темы:

Смолк и притих униженно
Смятый, растоптанный враг.

Красные веют знамена,
Красные розы в сердцах [1].

И разве не характерно, что даже в дни июльских событий, в дни расстрелов и травли рабочих, фельетонист меньшевистской газеты «Вперед» не нашел ничего лучшего, чем рассказывать о том, что

Когда рассвет целует землю,
Когда мечты лелеют сон,
Я тишине безмолвно внемлю
И зовы вешние приемлю, [2]
Не протестуя, как закон...

VI

Послеиюльский разгром рабочих организаций сузил до чрезвычайности количество трибун рабочей сатиры. Достаточно указать, что за полгода февраль — август «демократическое» правительство закрыло 13 рабочих газет. И петроградская «Правда»; и кронштадтский «Голос правды», и ревельское «Утро России», минская «Звезда», царицынская «Борьба», казанский «Рабочий», уральский «Пролетарий», рижская «Окопная правда», питерская «Солдатская правда» и др. были придушены на больший или меньший срок правительством Керенского.

А на ряду с этим все сильнее и визгливее раздавался голос желтой прессы, в которой и правый левый фланг образовали единую фабрику сплетен, клеветы и паникерства.

---

[1] «Вперед», № 3.
[2] «Вперед», № 98, 4 июля 1917 г.

И чем ближе к Октябрю, тем все более сближались пути черносотенных «Трепачей» и «независимых» «Пулеметов», объединенных единым страхом за теплый угол, единой злобой на кухарку Феклу, требующую выходного дня, единой ненавистью к большевикам, «продающим Россию» оптом и в розницу. Тем острее стала грызть их страницы «тоска о твердой власти», и основною темой стали мечты обывателя о «настоящем» порядке и его исконном представителе — городовом.

Городовой — вот истинный стержень сатириконского кругозора.

Вся революция была воспринята ими сквозь отраженные лучи на ярко начищенной бляхе городового!

— «Воистину переживанье ново,
В моем сознании нет городового».

От этих февральских недоумений сатириконцы скорехонько пришли к сознанию разительного «неудобства» нового переживания.

— Кричу: да здравствует свобода!
Но все ж хожу я сам не свой.
Поймите вы — из обихода
Совсем исчез городовой...

— Как хотите, делать нечего —
Нужен нам городовой,
Мы, решив на фронт упеч его,
Поступили опрометчиво.
Без него хоть волком вой!

— Флаги красные в столицах,
Банты алые в петлицах,
А в душе, хоть плачь да вой,
Да-с, в душе городовой!..

А потому:

— О, появись, с багрово-красным ликом!..
— О, появись, блюстительный и строгий
И р-распеки!..

Городовой все чаще и чаще стал проникать на страницы сатирических журналов, заполняя подчас целые номера. И уже трудно было сказать, всерьез это или нарочно, так настойчиво и так любовно описывали там того, кто —

— ...шумных улиц посреди,
С палкой в вытянутой длани,
С звучным словом звучной брани,
С яркой бляхой на груди!

Грани между исповедью и издевательством были стерты.

Один и тот же обыватель, вешающий в перепуге портрет спасителя Корнилова на место портрета Керенского, выглядывал и из-за книжного прилавка и из-за редакционного стола.

Октябрьская революция явилась окончательным водоразделом между правыми и левыми, революционными и контрреволюционными сатириками. Наиболее передовая часть сотрудников не большевистских изданий 1917 года сумела оторваться от своей среды и, работая не за страх, а за совесть, отдать свои силы, дарования и опыт на пользу рабочего дела.

Иная судьба постигла тех, кто счел необходимым остаться за пределами советского жизнестроительства. Сменяя истерические «десять ножей в спину революции»

на горькую правду о зарубежном житье-бытье, они всей судьбой своей являют печальный конец, смерть и физическую и идейную, беспринципной и бесхребетной сатиры «либеральной интеллигенции».

Сим. Дрейден.

1917 В САТИРЕ

МАТЕРИАЛЫ

*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Подбор материала определяется заголовком — «1917 в сатире». В этих целях было просмотрено до 120 комплектов газет и 50 комплектов журналов 1917 г. Использованы, главным образом, собрания Государственного Музея Революции в Ленинграде и Государственной публичной библиотеки, сотрудникам и руководителям которых приношу свою искреннюю благодарность.

ПЕРЕВОРОТ

Орлов растоптаны останки...
...А царь в вагонное окно
Прочел на скучном полустанке
Слегка насмешливое «Дно».

Эм. Герман.

«ПСКОВ, 2-ГО МАРТА 1917-ГО ГОДА...»

Рис. Дени.

«...А посему признали мы за благо отречься от престола Государства Российского...»

(Из манифеста.)

«Бич» № 10—11, март 1917 г.

«ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ»

ч. III, VI — VIII.

— Голод! голод! голод! голод!—
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов,
Люд измученный, больной,
Хлынул яростной волной
На широкие панели.
Затрещали, зазвенели
Телефоны у властей:
— Вызвать войско всех частей!
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный, — знай, пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить чтобы,
Остальных загнать в трущобы,

Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап
Генерал лихой Хабалов... [1]

Из гнилых, сырых подвалов,
Люд замученный, больной,
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
— «Мы—пе ели!»

Демьян Бедный.

КОРОНА И КУВАКА

Поезд метался между Дном и Бологим.

То сунется к Дну, то назад — к Бологому.

Растерявшийся поезд.

Стояла темная ночь.

Свистела вьюга.

Тревожно и загадочно гудели телеграфные провода.

Черные люди, согнувшись, суетились под колесами поезда.

Чинили?

Портили?

В поезде ехал самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая...

Носитель самой тяжелой на земле короны.

[1] Хабалов — командующий войсками Петроградского военного округа, пытавшийся подавить февральское движение рядом репрессивных мер.

Кроме самодержца в поезде ехали еще трое: [1]

Дряхлый,

пьяный,

пройдоха.

Больше никого не было в поезде царя Великой, Белой и Малой России, под скипетром которого паслось 150 миллионов душ.

Стояла темная ночь.

Пьяный пил в столовой, заливая горе веревочкой.

Дряхлый кряхтел, проклиная свою подагру.

Пройдоха прислушивался к стуку колес.

Страшное дело!

Когда ехали туда, колеса так звонко напевали:

— Пейте Куваку, пейте Куваку!

А теперь они скрипели зловеще и уныло:

— Конец Куваке, конец Куваке.

Растерявшийся царь ехал в растерявшемся поезде и думал: «У кого бы спросить? Как бы узнать правду? Как поступить? Куда направиться? Кому довериться»?

Вокруг самодержца сгруппировались трое:

один пьяный,

один дохлый,

один пройдоха.

Пьяный посоветовал напиться.

Дряхлый посоветовал лечь спать.

---

[1] Трое: Фредерикс В. Б., Нилов К. Д., Воейков, В. Н. Фредерикс — министр двора с 1897 г. (род. в 1838 г.); Нилов — контр-адмирал, спаивавший, по слухам, Н. Романова. Воейков — дворцовый комендант, глава акц. об-ва якобы лечебных вод «Кувака», предложивший в февральские дни «открыть фронт немцам». Между Дном и Бологим 1 марта был задержан поезд Н. Романова, направлявшийся в Петроград.

Пройдоха посоветовал продать Россию немцам.

— Trinken Sie Kuwaka, Trinken Sie Kuwaka, — запели вдруг колеса вагона.

И самодержец почувствовал, как корона — самая тяжелая и самая богатая на земле корона — валится с его головы.

Вл. Азов.

«Русская Воля», № 3, 7 марта 1917 г.

ОРЕЛ И ЦАРЬ

Судьба частенько очень зла...
Она России — это странно —
Дала двуглавого орла
И... безголового тирана.
Сам царь порой, под гул молвы,
Вздыхал с уныло-кислой миной:
— Вот на гербе две головы,
А на плечах-то... ни единой.
И горесть нас годами жгла,
Зане страдали постоянно
От двухголового орла
И безголового тирана.
Русь волновалася, как встарь,
Одной смущаема загадкой:
— Да чем же думает наш царь —
Макушкой трона или... пяткой?
Народ вздыхал. Слеза текла.
И вдруг упала с неба манна:
Нет ни двуглавого орла,
Ни безголового тирана.

Доль.

«Журнал журналов», № 13, апрель 1917 г.

КАК МЕНЯЕТСЯ СТИЛЬ НИКОЛАЯ РОМАНОВА

Отрадно читать.
Прочел с удовольствием.
Благое дело.
Не верится.
Куда же смотрела полиция?
Вот до чего доводит нерадение властей!
Скверное дело.
Отчего меня не предупредили?
Разрешите выйти на прогулку!

«20-й век», № 12, март 1917 г.

ПО ПРИВЫЧКЕ

Говорят, что в конце манифеста об отречении Николай II по привычке написал:

«Дан в лето благополучного царствования нашего двадцать третье», но потом что-то вспомнил и со вздохом зачеркнул написанное.

«Бич», № 13, апрель 1917 г.

ОТРЫВОК ИЗ «РЕЙНЕКЕ ЛИС»

— А лиса все-таки заслуживает веревки!

Там же.

ИЗРЕЧЕНИЕ КСТАТИ

— Подписано, и с плеч долой! — сказал Николай II, подписывая свое отречение.

«Барабан», № 1, 1917 г.

Рис. Ре-ми.

АЛИСА ГЕССЕНСКАЯ (псевдоним — Александра Романова, партийная кличка «Сана»). Много сделала для войны и для победы своего народа. Вероисповедания Григорианского. Известна, как рукодельница, вышивавшая рубашки св.[1] Григорию Распутину. Стоит вам только взглянуть на это доброе, мягкое, милое, чисто-русское лицо, как ваше сердце наполнится симпатией к ней. По-русски бегло говорит одно только слово «Hoch»! Теперь ведет замкнутый образ жизни.

«Нов. сатирикон» № 12, март 1917 г.

[1] «Св.» — это не святой, а совсем другое слово. (Примеч. «Нов. сатирикона»).

Рис. Ре-ми.

КЛАУСС II ГОЛЬШТИН-ГОТОРПСКИЙ. Достаточно взглянуть на умное, интеллигентное лицо этого знатного иностранца, чтобы волна стремления к возврату монархизма затопила сердце нашего читателя. Важнейшие этапы царствования этого гениального монарха: Ходынка, Порт-Артур, Цусима, 9 января и др. По собственному признанию «любит цветочки», хотя, вместо цветочков, любил срывать погоны своих «верноподданных». В отличие от обыкновенных людей ушиблен не мамкой, когда был маленьким, а японцем в Отсу, когда уже вырос. Это — сказалось.

Молчалин не без основания. Теперь — ведет замкнутый образ жизни.

«Нов. сатирикон» № 12, март 1917 г.

РАДЫ СТАРАТЬСЯ [1]

Снарядившись для похода
Старый царский воевода
 Говорит команде речь:
— Враг пред вами. Цель в прохвоста!
Меть верней! Бери в полроста!
 Разом пули и картечь!
Бить меррзавца — честь солдата.
Раз, два, три! Пали ребята!
 Пусть издохнет скверный гад!
— Рад стараться! — взвыли взводы,
Дружно в спину воеводы
 Выпуская весь заряд.

Тэффи.

«Аргус», № 2, 1917 г.

В ОБЩЕСТВЕ И СВЕТЕ

— Алло! Это вы, Никифор? Граф дома?

— Изволили отбыть в Думу.

— Одни?

— Нет-с, с компанией. Два студента за ними на грузовике заехали, господин какой-то, да солдатики.

— Скоро вернется?

— Звонили из Думы, что в Петропавловскую проследуют.

---

[1] О походе ген. Иванова Н. И., посланного Николаем Романовым 28 февраля на усмирение Питера. 1 марта отряд Иванова отказался «воевать» с народом, и сам Иванов был «отозван».

— Ага! Там что же — прием?

— Не могу знать. Говорят, что большой день. Избранная публика. Их сиятельство даже приказали обед туда принести.

— А графиня?

— Изволили отбыть в Таврический дворец.

— Заедет домой переодеться, или прямо в Петропавловскую?

— Должно быть, заедут. Потому как они в темных силах всего две недели пребывать изволили, так что их дело легкое.

— На грузовике поехала?

— Так точно-с.

— Со студентами?

— С ними-с. Штатский один тоже.

— А молодой граф где?

— Изволили...

— На грузовике?

— Так точ...

— Со студентами? А секретарь графа?

— Изволили...

— Тоже отбыл? Грузовик?

— Таксо-мотор.

— Студенты?

— Штатские.

— А старая графиня?

— Изволят с переодетым околоточным насчет политических взглядов рассуждать.

— На грузовике? Т. е. дома?

— Дома-с, на чердаке.

— Ага... Ну так вот что: если приедет граф, так скажи... Погоди, к дому кто-то подъехал... Так, так...

Что-то пыхтит у подъезда и на лестнице шаги... Так если приедет граф, то... Одним словом, чорт тебя подери, что передать твоему барину в Петропавловской?..

Арк. Бухов.

«Бич», № 10—11, март 1917 г.

«ТВЕРДЫНЯ ВЛАСТИ РОКОВОЙ»

А. С. Пушкин (о Петропавловской крепости.)

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему отныне
В одно слилися обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

Демьян Бедный.

«Правда», № 1, 5 марта 1917 г.

КОЕ-ЧТО О МИНИСТРАХ

Особо популярны среди народонаселения вчерашней России были министры внутренних дел.

В них чувствовалась такая нужда, что их, буквально, — разрывали на мелкие части.

Иногда народ настойчиво утверждал:

— На таких-то министрах шапки горят!

И царь волей-неволей, вздыхая и охая, давал пострадавшим по шапке.

У каждого министра было по несколько товарищей.

«О Н И»

Рис. Д. Моора.

Курлов.
Марков 2-й. Нилов. Фредерикс. Николай II. Протопопов. Воейков.
Горемыкин. Штюрмер.
Питирим. Щегловитов.
Раев.
Сухомлинов.

«Будильник», № 11—12, март 1917 г.

И редко-редко — один друг.

Министров иностранных дел с младых ногтей приучали объясняться нотами.

Потому-то им часто и недоступна живая человеческая речь.

Министры не были чужды литературе. Одни из них переводили профессоров, другие — горы бумаги, третьи — народонаселение Российской Империи.

Особенно усердствовали в этом направлении министры внутренние, всегда скреплявшие свои переводы соответствующими ссылками.

У министра двора не было товарищей. Не было в них нужды. Ибо лозунгом министерства было:

— Сора со двора не выносить!

В. Князев.

«Бич», № 20, май 1917 г.

ПРО ТО ПОПКА ЗНАЕТ [1]

У премьера старого в клетке золоченой
Есть для блока ярого попугай ученый.
Кто про что беседует, кто кого ругает,
Про то попка ведает, про то попка знает.
Время испытания массам надоело.
Дело пропитания — внутреннее дело.
Сытно кто обедает, кто недоедает, —
Про то попка ведает, про то попка знает.
Кто бы, чем бы ни были, трудно стать сатрапом:
Сто раз больше прибыли от торговли драпом.
Кто дает, где следует, тот и получает,
Про то попка ведает, про то попка знает.
Ваше учреждение — рай для фабрикантов,
В коем вожделения больше, чем талантов.
Кто куска отведает, пирога желает.
Про то попка ведает, про то попка знает.

[1] Протопопов, А. Д. — землевладелец, промышленник, тов. пред. 4-й Гос. думы, основатель банковской газеты «Русская воля». В 1916 г. переходит в лагерь крайней реакции, получив через Распутина место министра внутренних дел. В феврале 1917 г. отдал распоряжение о расстреле толпы пулеметами с крыш.

Ах, у нас в империи от большого штата
Много фанаберии, мало результата.
Гриша проповедует, Аннушка гадает.
Про то попка ведает, про то попка знает.
Сей рукою ловкою — два пожнешь посева.
Знай, кивай головкою, — иногда налево.
Вдруг указ последует, и мираж растает,
Про то попка ведает, про то попка знает.

Песня о Протопопове, широко распространенная в обывательских и оппозиционных кругах в конце 1916 и в начале 1917 г.

ДНЕВНИК ПРОТОПОПОВА

Сегодня был в Думе. Сказали, что я дурак. Должно быть, следят: все знают.

Решительно не понимаю, почему все хотят, чтобы я ушел. Нужно будет расположить общественное мнение к себе; попробую привлечь Керенского к суду и притти в Думу в жандармском мундире. Говорят, он мне к лицу. Не даром вчера Маклаков сказал: «у вас в лице что-то доисторическое: плакать хочется»...

Был во дворце. Очень милые люди, только надо будет сказать швейцарам, чтобы не звали на ты.
(Сбоку приписано синим карандашом:) Сказал. Смеялись.

В городе начинаются беспорядки. Говорят, будто бы нет черного хлеба. Странно. У меня спрятано тридцать

*

окороков и ни крошки хлеба — не кричу же я. В Думе встретили криками восхищения:

— Прямо изумительный негодяй! — крикнули, захлебываясь, в центре.

Справа обиделись, но, узнав, что это обо мне, успокоились. Эти всегда поддержат.

Беспорядки начались. Спросили меня, что по этому поводу думает Совет министров. Я сам им дал совет министров:

— Стрелять!

Очень обрадовались. Привыкли уже к этому делу. Вырабатывали план стрельбы. Было очень весело.

Удивительно удачно стреляют. Прямо руки чешутся самому пойти на чердак и пропустить ленту-другую. Сегодня прямо даже растрогался. Пошел на чердак и говорю:

— Спасибо, товарищ пулемет!

А пулемет молодецки как гаркнет:

— Рад стараться, ваше пр-ство!

Приехали на грузовике. Думал, что еще провианта привезли. Оказывается, за мной. Не то благодарственный адрес хотят преподнести, не то повесить. Не поймешь теперь ничего.

Очень хорошее учреждение черный ход.

Пошел в Думу. Очень мило приняли.

— Это вы — Протопопов?

— Это я — Протопопов.

— Сядьте, Протопопов.

— Разрешите за народ сесть или за Николая II?

— Ну, что там считаться... Сначала прямо, а потом налево. Там покажут.

Сколько своих!.. Прямо даже весело.

Жалко, карт не захватил. Сыграл бы.

Поговорил с Керенским. Рассказал насчет пулеметов. Что за кремень человек; даже не улыбнулся.

Когда прощался, протянул ему руку. А он близорукий-близорукий, прямо ужас. Посмотрел на руку, на меня посмотрел, повернулся и вышел. Должно быть, так и не заметил руки.

(На последней странице нацарапано обожженной спичкой):

— Товарищ солдат! Нет ли папиросочки? Я вообще стою за народ. А. Протопопов.

Л. Аркадский.

«Барабан», № 1, 1917 г.

ЗА ЧТО?

— «За что? — рыдал саповный пленник:
«Пусть я — дурак, но не изменник!

Д. Б.

«Известия Петр. Сов. Раб. Деп.», № 2, 1 марта 1917 г.

«НА КАЗЕННЫЙ СЧЕТ»

Когда одного сановника сажали во время революции в тюрьму, он мягко улыбнулся и спокойно сказал:

— Ну и что же?.. Я издревле привык жить на казенный счет!

«Будильник», № 10, 1917 г.

СЕНТЕНЦИЯ

Три министра в павильоне,
Повстречались в грустный час
И в неверности короне
Расписались все зараз.
Величавый, как испанец,
Но повесив грустно нос:
— Я, друзья, республиканец, —
Щегловитов [1] произнес.
По плечу его похлопав,
Но от страха бледно-сер,
— Я, — воскликнул Протопопов, —
Убежденнейший эс-эр.
— Я — эс-дэк, — сказал вздыхая
Старый Штюрмер, [2] хмуря взгляд:
— И сижу, не понимая,
Отчего меня бранят...
Но матрос, стоявший рядом,
На завравшихся вельмож
Посмотрев лукавым взглядом,
Молвил: «Нас не проведешь.
Благо вам, что в нашем веке
Стал гуманен человек;
В старину ж, таких эс-дэков,
Сразу вздернули б под дэк»...

В. Г.

«Барабан», № 1, 1917 г.

---

[1] Щегловитов, И. Г. — министр юстиции, один из виднейших представителей реакции.

[2] Штюрмер — предс. Совета министров в 1915 — 1916 гг., виднейший представитель германофильского течения при дворе.

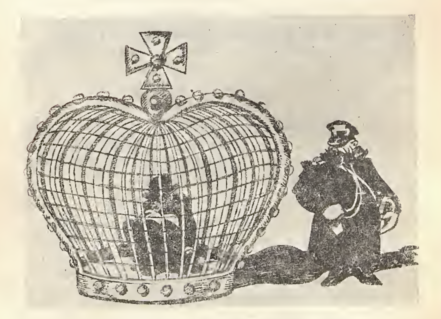
«НУ ВОТ, ПЬЕМ ЧАЙ И БЕЗ ЦАРЯ!»

Догадливость напрасно изощрив,
Легли соснуть. Не спали до рассвета.
А день пришел — во весь свой жирный шрифт
О новости горланила газета.

Я помню: пили чай, не говоря,
Держа стакан обеими руками.
И кто-то вдруг усмешкой сдвинул камень,
Сказав: «Ну, вот, пьем чай и без царя!»

Эм. Герман.

Рис. Дени.

Так жил и работал господин Российский Обыватель.

«Бич», № 14, апрель 1917 г.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ

Зазвонили во все звоны,
зорьки засветилися,
офицерские погоны
с плечиков свалилися.

Дадим барам порцию
по свою пропорцию, —
на колу нам тесно,
отдавай, брат, кресло.

Богу маливалися,
на царя надеялись,
от них отвалилися,
по домам нацелились.

Что Ганс, что Ванюшка,
оба два солдата, —
в нашей судьбинушке
баре виноваты.

Эх, не немец, не австриец,
белоручка - кровопиец
эх, не иностранец,
баринок - поганец.

Наплевали на амбицию,
растеряли амуницию,
хоть приставь Дума полицию,
не вернемся на позицию.

Вы, молодчики хваты,
солдатские депутаты,
коль вы кровные нам братцы,
не гоните с немцем драться.

Говорили вчера, братцы,
будто будем дальше драться.
Это что же за свободы —
бить невинные народы.

Говорили нам вчера,
по домам, будто, пора,
по свободам правильно,
потому понравилось.

На птенчике - Керенчике
зазвенели бубенчики,
не бубенчик ботает,
язычок работает.

Было бы болото,
черти найдутся,
было бы свободно,
с войны подадутся.

Заболели пузики
у наших союзников,
в нужники забегали,
а мы им не лекари,
у нас теперь вольно,
воевать довольно.

Теперь речи слышны стали,
ничего, мол, мы не знали,
а мы не спеленыши,
видели до донышка,

только не призналися,
начальства опасалися.

Кут-кут, кукареку,
разны шутки предреку:
Керенскому - депутату,
не управиться с солдатом,
горлышко надорвать,
а войны не своевать.

А как нашим офицерам
принежнить свои манеры,
коль не станут вежливыми,
не останутся живыми.

Как мы на позиции
бросим амуницию,
бросим пушку и лафет,
побросаем галифе,
цукаты - сухарики,
бери, немцы - сударики,
бросим с немцем воевать,
пойдем правды добывать.

Эх, вы, дурни - дураки,
воевать нам не с руки,
коли в Петроградах
завели порядок.

Мы домой вернемся,
за господ возьмемся,
а Керенский - депутат
не велит домой пускать.

Не ругайся, Керенской,
что теперь я не герой,
посидел бы день-деньской
ты в окопах под горой.

Мы свободы добыли,
из окопов отбыли.
Хоть ты лайся круглы сутки,
не своюем ни минутки.

Не томи ты мой покой,
не кали меня войной,
раскалилася рука
против папа-барина.

Обещались хлопам папы —
будешь сытый, будешь пьяный,
не поверил папу хлоп,
топором по папу хлоп.

Собрано С. Федорченко на фронте в 1917 г.

«С ЗАПРОСОМ»

Один богатый торговец, прочитав воззвание «Совета рабочих депутатов», возмутился:

— Они требуют слишком многого!..

Услышав это, рабочий с улыбкою ответил:

— Это вам так только кажется, потому что вы привыкли вести торговлю с запросом.

«Будильник», № 11—12, 1917 г.

СОМНЕВАЮЩИМСЯ

Строгих критиков народа
Я «порадовать» хочу.
Нам широкая свобода,
Говорят, не по плечу.

Мол, до граждан нам далече...
Не валяйте дурака!
По обновке наши плечи —
Коль не сузят армяка.

Гр. Незнамов.

«Свободный солдат», № 4, 1917 г.

ВСКОЛЬЗЬ

О, сколько сволочи теперь
К убогим избам устремится
И, замирая, постучится
В досель отворенную дверь!
Какой предвижу маскарад
В рядах друзей былого строя!
Меняя взгляды и наряд,
Все побегут под окна хат,
Народным массам, глазки строя,
Жеманно-ломанный эстет,
Бегущий гурт толкая локтем,
Махровый проорет куплет,
О том, как мил ему кастет
И лапоть, вымачканный дегтем.
И, жадно созерцая дверь,
Начнет густой слюной давиться...

О, сколько сволочи теперь
К убогим избам устремится!

В. Теткин (покойный).

«Бич», № 10 — 11, 1917 г.

* * *

Марков 2-й [1] напечатал в «Курской были» заявление о том, что новый строй он признает для себя обязательным.

Тем не менее, он не удержался и всадил в статейку несколько слов о «засильи еврейской печати».

«Будильник» заметил:

— До сей поры орал всегда
Он воспаленно: «Бей жида»!
Теперь исправился, левея,
И восклицает: «Бей еврея»!

«Будильник», № 15, апрель 1917 г.

ИНТЕРВЬЮ С ОБЫВАТЕЛЕМ

Вы хотите узнать впечатленье —
Результат трехнедельной свободы?
Что ж, пишите подробное мненье
Акушера, проведшего роды.

Все великие дни неустанно
Я стоял у парадного входа,

[1] Марков 2-й И. Е. — видный черносотенец-монархист, член 3-й и 4-й Гос. думы, крупный землевладелец.

Слышал выстрелы, крики, но странно, —
Был уверен в победе народа.

Только раз пробежал по панели
Под дождем проливным пулемета,
Но решил, что скитаться без цели, —
Смысла нет, и вернулся к воротам.

Суток пять телефон не работал,
Волновались за наших мы очень,
Запирали замками без счета
Дверь на лестницу в темные ночи.

По квартирам пошла пропаганда:
Пролетарка — товарищ солдату.
И прислуг обнаглевшая банда
Предъявила вчера ультиматум...

Вы представьте, бездельницам этим
Нужен отдых вечерний от службы.
Как же гости-винтеры, как дети?
Неужели отречься от дружбы?

Я спрошу вас, милиция где же?..
Я не верю домовой охране.
Номер пятый курспрует реже,
Скоро хлеба в столице не станет.

Я к республике сердцем склоняюсь:
Но боюсь неизвестного дара,
Мне до смерти не хочется, каюсь,
Президентом иметь кочегара.

Я хотел бы спросить на прощанье:
Не найдутся ли снова Мараты?
Факт оставить нельзя без вниманья:
Всех эсдэки мутят, депутаты.

Я не стану играть с вами в прятки,
В откровеньи — великая сила:
Я вернул свою душу из пятки,
Где она три недели гостила.

Ал. Флит.

«Новый сатирикон», № 16, май 1917 г.

ИЗ БУДУЩЕГО ЧЕРНОВИКА

«Молчание воцарилось в доме»... (зачеркнуто).
«Молчание вореспубликилось»... (зачеркнуто).
«Молчание воспарламентилось»... (зачеркнуто)...
«Молчание объяло весь дом».

д'А.

«Бич», № 13, апрель 1917 г.

БЕЗДАРНЫЕ РАССКАЗЫ ЕФИМА ЗОЗУЛИ

(Предисловие и послесловие — его же.)

... Уже! я вижу: идет, поднимается волна бездарности, той искренней и горячей и, может быть, святой бездарности, которая неизменно сопутствует великим народным движениям. Уже скрипят тысячи перьев, уже пишутся «революционные» рассказы, как недавно писались «военные».

Надо предупредить!

Пусть я буду жертвой! Один я. Так и быть — я сразу опубликую все мои «революционные» рассказы с поучительной целью — чтобы так никто больше не писал.

И если жертва моя будет оценена, и таких рассказов не будет — верьте мне! — я буду счастлив...

Первый рассказ

НА БАРРИКАДЫ

Революционный народ ворвался в гнилую царскую тюрьму и освободил заключенных.

Иван Соколов, важный государственный преступник, свободно вздохнул всей грудью, и громовое «ура» потрясло гулкие своды тюрьмы.

Он прислонился горячим лбом к холодному стеклу, и огненная жажда мести электрическим током пронизала его молодую душу.

— На баррикады! На баррикады! — судорожно закричал он.

И, став во главе большого отряда, соорудил прочные баррикады.

Полиция с гиком и свистом, размахивая пулеметами, бросилась на осажденных героев.

Впереди на вороной лошади мчался жандармский ротмистр.

И — о ужас! Какое совпадение! Соколов сразу узнал его! Слишком хорошо были знакомы ему черты этого палача! Всего пять лет тому назад он арестовал Соколова, пытал его на допросе, оскорблял его невесту!.. Из-за него умерла в Казани его старушка-мать... О, погоди, изверг! Теперь ты не уйдешь! Час мести настал.

— Товарищи! За мной! — скомандовал Соколов.

Ротмистр обомлел: прямо на него бежал Соколов с горящими глазами. Их глаза встретились.

— Молись! Твои минуты сочтены!

И меткий выстрел поразил преступного жандарма в самое сердце.

Второй рассказ

СЕРДЦЕ НЕ ОБМАНЕТ

I

Цвела сирень.

Окно в сад было открыто. Слышались звуки немного меланхолического вальса. И казалось, что кто-то большой и лучезарный шепчет: «любовь, любовь»...

— Я люблю тебя, — сказал Алексей Иванович, обнимая тонкий стан Капитолины Львовны.

— Ах, я несчастна, — заплакала Капитолина Львовна.

— Отчего!

— У меня муж...

Алексей Иванович нахмурился. Он подошел к окну и прислонился горячим лбом к холодному стеклу.

— Твой муж подлец! — хрипло и судорожно крикнул он.

— Ах, не говори так, Алекс! Я страдаю.

Цвела сирень.

И казалось, что кто-то большой и лучезарный шепчет: «любовь, любовь»...

II

Прошло два года. На горизонте прояснились свинцовые тучи. Свершилось. Пал царизм.

В одно прекрасное утро Алексей Иванович принес Капитолине Львовне газету.

— Читай! — сказал он.

Она прочла и судорожно вскрикнула: в газете было напечатано, что ее муж — провокатор и служил в охранном отделении.

— Неужели и теперь ты будешь любить этого мерзавца?

— О, нет, мой милый, — вскричала она. — Теперь никто не будет мешать нашей любви.

Она упала в его объятья, и их губы слились в долгом поцелуе.

Цвела сирень.

И казалось, что кто-то большой и лучезарный шептал: «любовь, любовь»...

Третий рассказ

СОВЕСТЬ ЗАГОВОРИЛА

Поезд, гремя колесами, подкатил к дебаркадеру Н-ской станции.

В одном из вагонов первого класса сидел старый царский прислужник Иванов, который приехал во главе жандармского эшелона усмирять революцию.

Он сидел у окна.

Смутные думы обуревали душу старого жандарма. Черные сомнения мучили его, он прислонился горячим лбом к холодному стеклу.

Как-раз в эту минуту ему подали телеграмму от царя.

«Подави революцию, и я выдам тебе еще тысячу рублей жалованья» — телеграфировал царь.

Иванов приказал своему помощнику высадить жандармов.

— Кстати, ваше превосходительство, на станции баррикады, — доложил помощник.

Наплевать, — ответил Иванов, — я приказываю! Патронов не жалеть!

Жандармы построились перед баррикадами и дали залп. Иванов тоже присоединился к своим подчиненным

*

и, прицелившись, выстрелил из револьвера в белокурую голову, видневшуюся из-за бочки.

Революционеры пали геройской смертью, не уступив баррикады. Пали все, до одного.

Иванов подошел к тому, кого он собственноручно застрелил, и громкий вздох вырвался из его груди.

— Ведь это мой сын, студент... — застонал он — Алеша, Алешенька.

Он зарядил револьвер и выстрелил себе в грудь.

Поезд, гремя колесами, откатил от дебаркадера Н-ской станции, увозя с собой труп старого сыноубийцы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть у меня еще много таких рассказов на разные другие революционные темы, но «Журнал журналов» отказывается их печатать. Если вы их встретите, — не за моей подписью, — в разных других изданиях, то пеняйте, пожалуйста, на «Журнал журналов», а не на меня...

Ефим Зозуля.

«Журнал журналов», № 12, 1917 г.

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

(Строчки.)

Пеняют мне, зачем, мол, Николаю
Не воздаю я должного строкой;
Ах, господи, да, просто, не желаю
Касаться нудной мелочи такой.

Он был царем, и мы вздыхали тяжко,
Но вот теперь царит у нас народ.
На заднем плане жалкая букашка...
Букашек же клеймить какой почет?

Я понимаю, если бы с гигантом
Боролась Русь за жизненный удел;
Характером негнущимся, талантом,
Иль силой воли сброшенный владел;
Тогда б я мог, обрушив громы тяжко,
Ему представить для расплаты счет,
А то — какая-то ничтожная букашка...
Букашек же давить какой почет?

Как прежде тещ я не касался плеткой,
Хоть приходилось днями лезть в петлю,
Так и теперь святого гнева ноткой
Не потревожу сброшенную тлю,
А ну ее!.. С балластом лишним, память,
Простись скорей и воспари горе!..
Ну, что за смысл ничтожного клопа мять
Иль думать о каком-то мизгире?

Пускай бульвар, захлебываясь, тащит
Его альков, иль будуар «ее»,
А публикум восторженно таращит
Свои глаза на грязное белье, —
Читатель, прочь! Подобная замашка
Гадливость возбуждать в тебе должна,
Ну, да — блудила жалкая букашка...
И пусть ее!.. Кому она нужна?

Зачем печатать длинные отчеты
О том, что клоп сгребал лопатой снег,

Задумал записаться в Геродоты,
Затея фантастический побег?
Ах, чем скорей его забудет память
Страны моей, тем лучше будет всем!
Ну, что за смысл ничтожного клопа мять,
Как будто нет гораздо лучших тем?

Василий Князев.

«Бич», № 12, 1917 г.

ВЕРНОПОДДАННЫЕ У ВЛАСТИ

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА

В чем сказалась перемена
Нам со строем новым?
В дружбе сэра Бьюкенена
С сэром Милюковым!

* * *

Где один нас притужит,
Там другой пригладит.
А народ сидит да тужит:
«Англичанка гадит!»

Мужик Вредный

«Правда» № 34,
апрель 1917 г.

ПРОЕКТ МОНУМЕНТА

Михаил Романов и Милюков.

«Пулемет», № 6, 1917 г.

СВАХА[1]

(Монархическая.)

«Раскрасавица ты, моя райская птаха!»
Улещала молодку-Лукерьюшку сваха:
«И откуда набралась ты вольного духу?
Вот послушай старуху!
Все добра, вишь, тебе я желаю:
Воротись к своему Миколаю!
Повинися: «сошла, мол, с ума, —
И невесть, мол, с чего колобродила!»
Где же видано, а, чтобы баба сама
Вдруг собой верховодила?

Заскрипела старуха опять, в угол глядя:
«Миколаев не люб тебе Дядя?
Али братец его Михаил
Молодечке мил?
Не? Не вышел, пожалуй, он рылом.
Ну, сойдися с Кириллом!
Не? Постой, что я, старая, тут надурила.
Есть ли в свете кто краше, чем брат у Кирилла?

[1] О неудавшейся попытке Родзянко, Милюкова и др. дать России в мартовские дни «нового царя» в лице кого-либо из Романовых. «Дядя» — Николай Николаевич Романов. Михаил — Мих. Александрович Романов. Кирилл и Борис — Владимировичи.

Сущий мед, мармелад, барбарис.
Как? Не люб и Борис?
Вот изволь на тебя, угадай-ка.
Разыскалась, гляди ты, какая княжна!
Да какого ж тебе еще надо рожна,
        Молодайка?»
    Молодайка старухе ответила,
    Что ответила — сваха не сметила.
    Но, очухавшись кой-как за дверью,
    Баба долго бранила Лукерью:
    «Угостила... А я ей желала добра!..
        Как еще не сломала ребра!»

Демьян Бедный.

«Правда», № 2, март 1917 г.

НЕДУГ

Когда наступила минута молчанья и министр финансов попросил слова, откуда-то послышался робкий умоляющий голос:

— Господа... А, господа... Разрешите о проливах.

— Это опять вы, Милюков? — строго спросил председатель. — Сколько раз вам говорили...

— Да я бы только два слова...

— Слышали.

— Разве слышали? Ну, ладно.

Министр финансов говорил недолго. Когда финансов много — о них можно говорить 4 часа. Когда мало — и разговора на десять минут достаточно.

— Прошу высказаться, кто не согласен, — предложил премьер.

— У нас в Дарданеллах, — радостно начал Милюков,— по этому поводу говорят...

— Опять вы, Милюков?

— Я же о проливах... Ну хорошо, хорошо, я замолчу.

Он сел на стул, вынул потихоньку карту и начал водить по ней пальцем.

— Прямо удивительно... Нет, прямо непостижимо.

— Вы что, Павел Николаевич, — сочувственно спросил Некрасов, — нездоровится, или так?

— Удивительно, говорю... Вот видите, — пододвинул тот карту, — здесь вот синее, здесь зеленое, а вот здесь две полоски. Это вот проливы и есть.

— Ну так что же?

— Да я так. Работа-то какая. Как нарисовано...

— Ага.

— Нет, вы посмотрите. Непременно посмотрите. Хотите, я вам в записную книжечку зарисую.

— Ага! После.

— А я бы зарисовал. Хотите, я вам карту подарю?

— Ага! Мерси.

— На дом, значит? Я занесу.

Некрасов шумно поднялся, мучительно провел рукой по волосам, лбу и быстро попрощался с соседом.

— Ну, я пошел. Мигрень что-то у меня.

Милюков сложил карту, подсел к Львову и дружески потянул его за рукав.

— Ну, как дела? Волнуются все?

— Да нет ничего, кажется. Спокойно.

— Ну, не скажите. Иду я сегодня, вижу — очередь громадная. На что, спрашиваю. На проливы. Иду дальше. Другая очередь. На что? На Константинополь. Третья очередь. На что? На самоопределение национально... Вы

куда же? Домой? А как же заседание-то? После? Ну, ладно...

Милюков радостно потер руки и подсел к Терещенко.

— Ну-с, милый коллега. Иду я вчера по Загородному, а навстречу...

— Дарданеллы?—побледнев спросил Терещенко.

— Не все сразу, а только один: сэр Бьюкенен.

Терещенко судорожным движением схватил портфель и быстро пошел к двери.

— Терещенко, погодите! — испуганно крикнул Шингарев, — я с вами... Не оставляйте меня одного...

Милюков робко улыбнулся, обиженно вздохнул и посмотрел на Керенского.

— Работаете, Александр Федорович?

— Угу, — проворчал Керенский.

— А у меня дельце к вам...

— Некогда мне, Павел Дарданеллыч... то-есть, Пролив Николаевич... Вы опять о том же...

— Да я как к представителю демократии...

— Да не могу же я, голубчик... Я министр юстиции. Понимаете — юстиции... А проливы — это не по моему ведомству.

— А еще генерал-прокурор, — обиделся Милюков, — это даже выше, чем генерал от инфантерии, а генерал во все вникать должен... Может, у меня душа о проливах болит. Вот они где у меня сидят...

Поздно вечером Милюков сидел на крыльце Мариинского дворца и, обняв старшего курьера, говорил рыдающим голосом:

— Только ты один, Вахрамеич, и понимаешь...

— Да, наше дело, господин товарищ министр, уж такое...

— Я и говорю: можем мы жить без проливов, или не можем, Вахрамеич?

— Да уж это как говорится, где же темному человеку без своего пролива прожить.

— Вот, вот... А они не понимают.

— Потому, как они буржуазия темная, хоть и министерье и тому подобное...

— Эх, Вахрамеич... Приветствую в твоем лице народ, который понимает, ценит... Ты домой как-нибудь приходи ко мне насчет проливов поболтать. Я, брат, тебе все как есть объясню.

— Покорно благодарим. Мы с Егором, жениным свояком, придем. Он у нас насчет разных дарданел — во как. Человек молодой, холостой.

В эту ночь Милюков засыпал спокойно и сладко.

— Нет, сэр Бьюкенен прав, — прошептал он, позевывая, — русский народ очень хочет Константинополя. И с этим желанием прямо даже преступно бороться...

Арк. Бухов.

«Нов. сат.», 1917 г., № 16.

БОЕВОЙ ЛОЗУНГ [1]

Докладываются обстоятельства, заставившие Исполнительный Комитет созвать экстренное заседание.

1-й голос: Читали Милюковский акт?

Хор: Ужасный акт!

[1] Нота Милюкова 18/IV о верности договорам с союзниками вызвала взрыв возмущения, массовые демонстрации протеста, заводские резолюции и т. д. После длительных переговоров с «контактной комиссией», выделенной питерским советом, Милюков вышел из Временного правительства.

2 голос: Нас обманули, это факт!
Хор: Да, это факт!
3 голос: А где же, братцы, наш контакт?
Хор: А где ж контакт?
4 голос: Контакт пошел в иную фазу.
Хор: В иную фазу.
5 голос: Нельзя же рвать его нам сразу.
Хор: Нельзя же сразу!
6 голос: Подумать надо две-три ночки.
Хор: Да, две-три ночки.
7 голос: Контакта мы наметим точки.
Хор: Наметим точки!

3 часа ночи. Совещание еще продолжается и носит, по полученным сведениям, деловой характер. Намечаются известные точки контакта.

В $3^1/_2$ часа ночи Временное правительство заявило, что оно хочет устроить самостоятельное совещание. Был объявлен перерыв.

8 голос: Они пошли на совещанье.
Хор: На совещанье.
9 голос: Они дадут нам обещанье.
Хор: Ах, обещанье!

Как передают, правительство предполагает обратиться с новой нотой, которой разъяснит смысл первой ноты.

10 голос: Мы не уступим ни на йоту.
Хор: Нет, ни на йоту!
11 голос: Пусть издадут другую ноту.
Хор: Другую ноту!!

12 голос: Уж постоим мы головой.
Хор: Да, головой.
13 голос: За этот лозунг боевой!
Кто-то с галерки: Вот так боевой!

Мужик Вредный.

«Правда», № 38, 1917 г.

ГАЗАВАТ

(Сонет.)

Мы, божьей милостью; мы, Павел Милюков,
Чей ум непогрешим и прозорливо око, —
Мы спрашиваем вас, господ большевиков:
Известно ль вам, каков цвет знамени пророка?

Сей цвет есть изумруд. И точно же таков
Есть и ка-детский цвет, без скверны и порока.
Вот почему теперь до крайних уголков
Нам Турция должна открыть себя широко.

Был прежде Магомет, теперь там будем мы.
Достойная рука ухватит это знамя!
Арабы, турки, — все, все зачитают «Речь»,
Как некогда Коран. И, просветив умы,
Объявят газават; помчатся, как картечь...
Тогда, большевики, расправимся мы с вами!

Скандербег.

«Будильник» № 16, апрел 1917 г.

ДВА ВЫХОДА

— Единственный выход из создавшегося положения, это — выход из Черного моря в руках России!

— Вы ошибаетесь, есть еще выход!

— Какой?

— Из министерства! *В. Кн[язев].*

«Бич», № 16, апрель 1917 г.

ПРОГУЛКИ «БУДИЛЬНИКА»

Милюкова «ушли».

Желая явить образец великодушия, Милюков обещает, тем не менее, правительству:

— Мы будем поддерживать его постольку...

«Будильник» сказал:

— Ушел ты — сердце радо.
«Поддержек» не пророчь!
Нам для «поддержки» надо
Одно лишь: — Руки прочь!

Милюков, как видите, продолжает называть себя с самоуважением:

— Мы.

«Будильнику» передали, что Николай II, ознакомившись с посмертными заявлениями г-на Милюкова, произнес со вздохом:

— Увы! Знакомая бумага;
Стиль, не лишенный красоты.
Как я вчера, — сегодня ты
Кряхтишь: «Признали мы за благо!»

«Будильник», № 19, 1917 г.

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ.

(Цвету интеллигенции посвящается.)

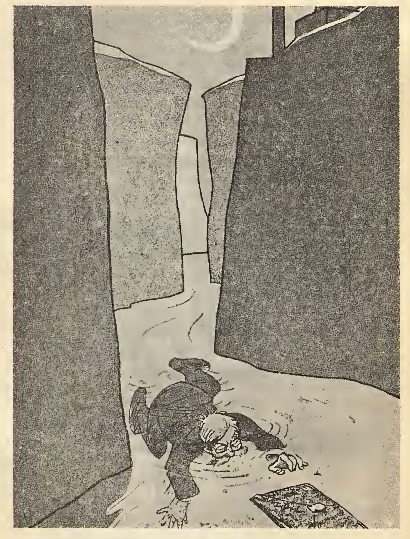
Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
Ни черта в нем красного не было и нету.
Услышит кадет — революция где-то,
Шапочка сейчас же на голове кадета.
Жили припеваючи за кадетом кадет
И отец кадета, и кадетов дед.
Поднялся однажды пребольшущий ветер —
В клочья шапчонку изорвал на кадете.
И остался черный. А видевшие это
Волки революции слопали кадета.
Известно, какая у волков диэта —
Вместе с манжетами сожрали кадета.
Когда будете делать политику, дети,
Не забудьте сказочку об этом кадете.

Вл. Маяковский.

«Новая жизнь», № 88, 1917 г.

ИЗ ХРОНИКИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

Рис. Ре-ми.

Милюков: Какое, однако, чертовски быстрое течение в этих проливах!

«Нов. Сатирикон», № 16, май 1917 г.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

НОВАЯ КОМБИНАЦИЯ

Князь Львов, князь Шаховской,
И. Церетели и т. д.

Из списка министров.

Возрадуйся, нация!
Новая комбинация!
Теперь-то будет у народа
Хлеб и свобода!!
А не свобода, так права!
Зато был князь, а стали два —
С прибавкой Церетели:
Достиг он высшей цели.

А мы конца дождались торга
Без всякого восторга.

Мужик Вредный.

«Правда», № 5.
Май 1917 г.

ОН ЭТО ЗНАЕТ

Рис. А. Радокова.

— Для чего же тебе, братец, нужно восемь часов свободных? Ты еще недостаточно культурен для того, чтобы уметь так же весело провести это время, как я...

«Нов. Сатирикон», № 16, май 1917 г.

КЕРЕНСКИЙ

...Неудивительно, что когда финансовому капиталу потребовалось подставное лицо, этим лицом оказался Керенский. Он совмещал в себе все элементы, нужные для того, чтобы денежная аристократия благосклонно наложила на этого «демократа» штемпель одобрения и признательности. В прошлом — революционер, но не из твердых; герой весенней революции, с ее сентиментальными порывами и братаньем крестьян-солдат с помещиком Родзянкой, театрал и фразер до мозга костей, который умеет и плакать, и смеяться, и трагически рвать на себе волосы, и целовать землю — когда того требуют обстоятельства; любимец широкой публики и подающий надежды авантюрист; специалист по проституировании революции, который красным знаменем умело прикрывает империалистический грабеж; трус, который мужественно ругает трусами своих политических противников; член социалистической партии, на каждом шагу обходящий ее постановления; ставленник «полномочных органов», в глубине души плюющий на эти органы; человек, спасший от смертной казни Николая, но введший, из «демократических» соображений, смертную казнь для солдат; сторонник революции, бьющий эту революцию по лицу; борец с германским империализмом, продающий под «революционным соусом» кровь

русских солдат империализму английскому и за кулисами тайной дипломатии ползающий на коленях перед союзным капиталом; наконец, присяжный спаситель родины, с благоговейным хрипом произносящий ее имя, маг и чародей, атрибутами царского великолепия тонко намекающий на стезю спасения, — разве это был не подходящий человек для объединенных заводчиков и горнопромышленных тузов, мародеров и спекулянтов, получателей казенных заказов и высоких дивидентов, крупных рантье и помещиков, домовладельцев и кокоток, биржевых шулеров и архиепископов православной церкви?..

Н. Бухарин.

«От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата», 1918 г.

* * *

Проказник бунт! Лихому сорванцу
Неведомо искусство грузных жестов.
Надменность византийских манифестов
Свободе моложавой не к лицу.
Не стяг, а флаг. Не знамя, а плакат,
Простой язык без «оных» и без «коих».
И в пышных императорских покоях —
Провинциальный адвокат.

. . . .

Его пьянят: и говор тысяч ног,
И вы, штыки, борон великих зубья.
И к гибели крикливый демагог,
Шутя, скользит тропинкой властолюбья...

Э. Герман.

«Растопленный полюс». Сборник стихов.

* *
*

Когда парикмахер спросил Александра Македонского:

— Как брить тебя?

Тот ответил:

— Молча!

Когда парикмахер спросил Александра Керенского:

— Как брить тебя?

Тот ответил:

— Молча! Поговорю я сам!

«Пулемет», № 11, 1917 г.

КАК ЖИВЕТ И РАБОТАЕТ ТОВАРИЩ КЕРЕНСКИЙ

Товарищ Керенский встает в 4 часа утра и немедленно произносит речь, обращаясь к солнцу:

— Вставай, подымайся!.. и прочее.

Попутно им издается двести двадцать четыре циркуляра, триста сорок восемь приказов; прочитывается и подписывается четыреста девяносто шесть бумаг; выпивается стакан крепкого кофе и съедается три бутерброда.

С маслом.

Через десять минут товарищ Керенский мчится уже по направлению к Гельсингфорсу.

На коленях у него — самоучитель финского языка.

Еще пять минут, и товарищ Керенский начинает довольно свободно болтать по-фински.

Еще десять, и он произносит речь, обращаясь к Финляндии:

— Товарищ Финляндия!.. и пр.

Еще пятнадцать, и он сочиняет новую Калевалу.

В без четверти пять утра население Выборга с бурным восторгом несет тов. Керенского к Городской площади.

На руках.

В пять — то же самое проделывает население Гельсингфорса.

— Товарищ Гельсинфгорс, — говорит тов. Керенский, — веришь ли мне?

— Верю! — отвечает товарищ Гельсингфорс.

— Знаешь ли, что я каждую минуту готов собственной своей смертью подтвердить верность мою демократическим идеалам?

— Знаю! — отвечает товарищ Гельсингфорс.

— Пойдешь ли со мной?

— Пойду!

— На смерть?

— На смерть!

Через четверть часа товарищ Керенский уже в Петрограде, принимает бесконечные ленты просителей.

— Хочу переменить фамилию...

— Можете!

— Желаю развестись!..

— Разведитесь!

— Мне бы Анну четвертой степени... с бантом...

— Получайте!

— А мне бы красненькую до субботы...

— Пожалуйста!

Море посетителей поднимает товарища Керенского на руки и с бурными криками восторга несет его в Москву.

На Красную площадь.

...Москва принимает тов. Керенского на руки и с бурными криками восторга несет его в Шую.

В Шуе тов. Керенский (в без четверти восемь) издает четыре новых закона, отменяет двадцать четыре старых и произносит восемьдесят четыре речи.

Шуя с бурными криками восторга несет тов. Керенского в Нижний Новгород (8 час. утра).

В Нижнем тов. Керенский производит четырех полковников в полные генералы, четырех прапоров в полные полковники, четырах унтер-офицеров в полные прапоры, четырех рядовых в полные унтер-офицеры и четырех добровольцев в полные рядовые.

Вследствие чего Нижний Новгород поднимает товарища Керенского на руки и с бурными криками восторга несет его в Ярославль.

Ярославль несет его — в Рыбинск.

Рыбинск — в Бологое.

Бологое — на фронт.

На фронте товарищ Керенский произносит горячую речь о необходимости железной дисциплины.

— Верите ли вы мне, товарищи воины?

— Верим!

— Знаете ли вы, что я каждую минуту собственной своей смертью готов?.. и проч.

— Знаем!

— Пойдете ли вы со мной?

— Пойдем!

— На смерть?

— На смерть!

В три четверти одиннадцатаго товарищ Керенский прорывает вражеский фронт.

В одиннадцать — он гонит беспорядочные толпы противника по направлению к Варшаве.

В половине двенадцатого занимает Варшаву.

В двенадцать — Берлин.

В полчаса первого — пост первого президента Российской республики.

Далее (в два часа дня) он созывает всемирную конференцию народов.

Далее — свергает последних, оставшихся еще на земле монархов.

Далее — организует Всемирные соединенные штаты.

Занимает пост первого их президента.

И, обращаясь к народам, произносит речь на эсперантском языке:

— Товарищи народы, верите ли вы... и проч. и проч.

...В восемь часов вечера товарищ Керенский получает известие о присоединении к народам Земли народов Венеры и Марса.

В девять — всех вообще, населенных разумными существами, планет.

Организует экспедиции.

Назначает комиссаров.

Получает пост первого президента Соединенных штатов вселенной.

И — ложится спать...

Вас. Князев.

«Бич», № 20, 1917 г.

ДЕНЬ МИНИСТРОВ [1]

(Блокнот репортера)

Н. В. Некрасов

Министр встает рано, пьет черный кофе и выкуривает шесть папирос. Секретарь докладывает текущие дела.

[1] Н. В. Некрасов — левый кадет, переменивший 7 портфелей во Врем. правительстве. М. И. Терещенко — миллионер,

— ...Остановили паровоз, машиниста всунули в котел, стрелочнику вонзили семафор в уши, телеграфиста посадили в трубу...

Министр нервно морщится и припоминает, какое лицо в таких случаях делает Керенский.

— Так, так... Паровоз, говорите?.. А знаете, это любопытно! Телеграфист в трубе?.. Это, кажется, у Чехова?

Секретарь беспомощно мнется.

— Нет, господин министр, это возле Бахмача. На Московско-Киево-Воронежской...

— Это... где же?

Секретарь мнется еще беспомощнее.

— Там... знаете... в сев... в южном направлении...

— А-а-а...

Министр плохо спит. Ему снятся фантастические сны — опрокинутые паровозы, и машинисты, лукаво перемигивающиеся в котельных стенках.

По наведенным справкам выяснилось, что Н. В. Некрасов — министр путей сообщения.

сахарозаводчик, министр финансов в 1-м Временном правительстве, мин. иностр. дел после ухода Милюкова, отстаивавший верность договорам с союзниками. А. А. Мануйлов — профессор, кадет, мин. нар. просв. вплоть до послеиюльского ухода кадетов из В. п. П. Н. Переверзев — адвокат, трудовик, автор подложных документов, направленных в июле 1917 г. против большевиков. Кн. Г. Е. Львов — октябрист, руководил во время войны 1914—1917 гг. крупнейшей организацией буржуазии — «Союз земств и городов», председатель Совета министров Врем. правительства, вошедший туда как представитель «организованной цензовой общественности». М. И. Скобелев — меньшевик-оборонец, посланный С. Р. и С. Д. в коалиционное В. п. на место министра труда.

М. И. Терещенко

В Министерстве иностранных дел никаких сведений не дали и направили в Министерство финансов. В Министерстве финансов никаких сведений не дали и направили в Министерство иностранных дел. Нашли общих знакомых, отделываются лаконически:

— Мальчик с состоянием!

И — больше ничего! — аминь!

Князь Г. Е. Львов

Бюро печати при председателе Совета министров выдало нам литографированный бюллетень с характеристикой премьера:

«На ролях благородных отцов. Ангажирован — весна. Петроград. Богатый гардероб, хорошие манеры, иногда выступает на ролях простаков».

М. И. Скобелев

Труд министра труда — тяжелый и ответственный.

— Сил нет, — заявил министр. — Утром концерт с выступлением, днем опять концерт, вечером опять концерт... В моем лице русская демократия взяла ответственный портфель, — портфель концертов.

Мы не решились задерживать министра; через пятнадцать минут было назначено начало большого концерта-митинга, а в кабинете висела афиша: «Концерт-гала! Масса трюков! Бездна атракционов! Гвоздь сезона! Билеты продаются здесь»!

И. В. Годнев

Государственный контролер. Мужчина.

СЕГОДНЯШНІЙ ОЛИМПЪ.

Рис. А. Радакова.

Единственный Олимпъ, у котораго отнято самое существенное право: метать громы. Зато въ него мечутъ — очень охотно.

«Нов. Сатирикон», № 21, июнь 1917 г.

А. И. Шингарев

Врач по финансовым и продовольственным болезням. Прием ежедневно от 12 до 6. Бедным бесплатно.

Бор. Мирский.

«Бич», № 20, 1917 г.

ПРАВОВЕРНЫЕ

«Обер-прокурор св. Синода, правоверный октябрист В. Н. Львов, голосовал с министрами-социалистами против предложения кадетов».

Из веч. газет.

С октябристом правоверным,
Заключив союз на веки,
Прутся в пропасть шагом верным
Правоверные «эсдеки».

Ив. Логинов.

«Правда», № 98, апрель 1917 г.

ПО БАБУШКУ.

(Басня.)

Преждевременные порывы вредны. С разрешением всех социальных вопросов необходимо обождать до Учредительного собрания.

Идеология кадетов.

Срок созыва неизвестен.

Ред.

Дед Мокша со снохой трудился на покосе.
Сноха была давно на сносе,
Вот, в полдни молодка — ох! да ой!
Забилася, как муха в тесте.

То видя, Мокша-дед задергался на месте:
— Постой, кричит, постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!

Д. Бедный.

«Правда», № 29, 11 апреля 1917 г.

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Самочинные захваты не только не закрепляют права на землю, но и не дадут никаких выгод захватчику, ибо повлекут за собою уплату убытков законному владельцу.

Из воззвания Временного правительства.

Ой вы головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела, да беззаконные:
Грех вам брать свои полосыньки исконные!
На помещичье добро уже не зарьтеся,
А в соку своем, поту, как прежде, парьтеся, —
Да как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю, даст вам землю... на могилушку!

Д. Бедный.

«Правда», № 28, апрель 1917 г.

АГРАРНОЕ

ПОМЕЩИК: — Что это ты, мужичок, на одной ноге стоишь?
КРЕСТЬЯНИН: — Да другую, вишь, поставить некуда: везде вашей милости землица. Боюсь, еще за потраву судить будете...

«Нов. Сатирикон», № 17, 1917 г.

НАСТУПЛЕНИЕ

МУЦИЙ СЦЕВОЛА

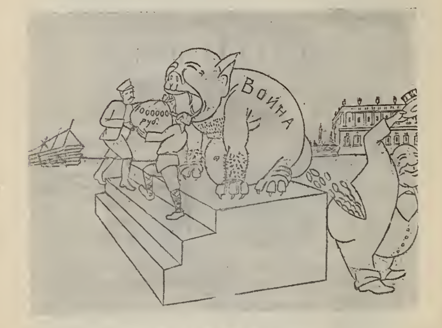
Фигурой всей являя муку
И боль, и вызов бытию,
В огонь сует бесстрашно руку...
Но не свою!

А. д'А[ктиль]

«Вольность», № 3,
1917 г.

МОЛОХ

Рис. А. З.

Полюбуйтесь на банкира,
Почему он против мира.
У чудовища-Молоха
Он устроился неплохо.
У Молоха пасть раскрыта —
Род бездонного корыта.
Всех сожрал бы он живьем.
— ПОДПИШИТЕСЬ НА ЗАЕМ!

М. В[редный — Д. Бедный]

«Рабочий путь» («Правда»), № 17, 1917 г.

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ[1]

Есть от армии наказ:
«Дать оружие просит нас»
Обещая победить,
Нам свободы сохранить!
Дело армии бить ружьем,
Наше, граждане, — рублем.
Потому, честной народ,
Покупай «заем свобод».
Много выгод он несет,
Шесть процентиков дает.
Три миллиарда, знает всяк,
Для святой Руси — пустяк.
За свободу да за честь
Если надо — дадим шесть!
Как начнут трясти карман
Все курящие «ОСМАН»,
10 шт. 20 к.
Лепту дать должен свою

[1] Стихотворение написано всерьез. И все-таки не может выдержать сравнения ни с какой пародией на оборончески-коммерческий патриотизм «заемных» дней. Выпущенный В. п. в целях изыскания средств для продолжения войны, «заем свободы» не был поддержан ни массой, ни промышленниками и фактически провалился.

«ДЕССЕРТ»,
10 шт. 15 к.

«ПЕРИ»
10 шт. 20 к.

и «Ю-Ю».
10 шт. 15 к.

Полонят деньгами мир
«ЗЛАТ-СОЛОМКА»
10 шт. 18 к.

и «КАИР».
10 шт. 18 к.

Почитателей мне дар —
Драгоценный портсигар
И с бриллиантами жетон
Мною в деньги обращен.
Не винить меня прошу,
На заем свобод вношу,
Вы моим словам внимайте,
Долг гражданский выполняйте.
Нет вернее помещенья, —
Как «заем» для сбереженья.

Тяжело больной
Дядя Михей.

«Росс. Республика», № 9, апрель 1917 г.

ПЛАКАТЫ

«Всякий, кто сорвет этот плакат...»

Ура! Расклеена свобода!
Но примечание зовет
Поправку этакого рода:
Не «кто сорвет», — «кого сорвет».

«Тачка», № 3, 1917 г.

ЗАЕМ[1]

(Посвящается всем, всем, всем социал-оборонцам.)

I

Как бы, братцы, ни было, —
К оборонцам прибыло:
Царь с царицею вдвоем
Подписались на заем!

Демьян Бедный.

II

Уж и я словцо подкину.
Оборонцы корчат мину:
— «Отчего бы это вдруг
Объявился новый друг?
Для поддержки чьей свободы
Царь пустился на расходы?»

Мужик Вредный.

III

Что царю всего ценней?
Стало, знать, ему видней,
Что от долгой обороны
Путь недолгий... до короны,
В ход пуская капитал,
Царь, поди-ко-сь, рассчитал:
— Недурная «облигация» —
Верноподданная нация.

Яким Нагой.

[1] Написано в связи с помещенным в «Русск. ведомостях» известием о том, что «К Временному правительству поступило заявление бывшего императора и его семьи о желании приобрести ими из личных средств «заем свободы»...

IV

Расчет-то хорош,
Да цена ему грош.
Вслед за царем-Николаем
Денег давать не желаем.
Пусть вносят червонцы
Царь да оборонцы!

Иван Заводской.

V

А у солдата Яшки
Ни штанов, ни рубашки;
Одни осталися клочья,
Ничем не могу помочь я!

Солдат Яшка.

«Правда», № 94, 12 июля (29 июня), 1917 г.

НАСТУПЛЕНИЕ [1]

(Маленький фельетон)

Коля Плутархов отнесся к радостной вести о наступлении именно так, как и следовало отнестись.

Нацепил красный бантик, оставшийся от первых дней революции, схватил в охапку трость и шляпу и через три минуты был на улице, чтобы через восемь присоединиться к манифестации в честь наступления.

— Да здравствует армия!

[1] Наступление 18-го июня было предпринято В. п. под давлением «союзников». Радостное ликование контрреволюционных кругов, вызванное первыми недолгими успехами, вскоре же сменилось паникерскими погромными настроениями в связи с жестокими поражениями русской армии.

— Да здравствует Керенский!!

— Ура!!!

Громко и раскатисто пронеслось «ура» по улице, и в том была большая заслуга Коли Плутархова. Он кричал больше всех, и когда все кругом уже стихло, одна его глотка посылала в воздух:

— Р-а-а-а!..

— Колька, ты?

— Да я, здорово, старина. Что, наступаем? Хорошо, брат?.. Да, Степура, повернулось, можно сказать, колесо истории!..

— Правильно. Да здравствует армия!

Два юных друга поддержали наступление еще одним дружным «Ура!»

— Ты, Коля, где работаешь?

— Я прикомандирован к главному управлению по обучению увечных воинов музыкальным ремеслам. Там много нас: я, Боря Чебыхаев, Яшка Полтораки, оба брата Литвинчука и еще многие. Узнав о наступлении, все ужасно рвемся на фронт, но, увы, никто из нас не имеет возможности. Все мы страшно заняты по управлению. Заменить абсолютно некем, а оставить такое ответственное дело, как обучение инвалидов музыке, было бы, особенно в такие дни, предательством родины и революции. Сам понимаешь...

— Понимаю, — Степа сочувственно кивнул головой: — и у меня то же. Я состою младшим помощником бухгалтера в соединенном синдикате табачных фабрик. Работаю на оборону. Тоже рвусь в бой, но посуди сам: могу ли я оставить свой пост? Бухгалтер всем говорит: — «Степан Ильич мой друг и правая рука». Мы и в «Буфф» вместе ездим...

Пусть я маленький винтик в машине, но если выпадает один винтик, сам знаешь, портится вся музыка. Уйду я — и другой уйдет, и третий, вот и станет армия неаккуратно получать махорку. А ты знаешь, чем это пахнет для России?..

— Еще бы... Всякий так или иначе приносит пользу родине. За наступление — «ура-а»!!!»

— Скажи, а Толя Плешаков в Петрограде?

— Здесь он, и Свечкин тут, и Гриша Свербович, и Саша Винтовкер, помнишь, который с твоей Лидкой тогда... Все в Петрограде. Я их уже обзвонил по телефону, поздравил с наступлением. Все в страшном восторге и ужасно все хотят в действующую армию, но не могут оторваться: срочная работа на оборону. Один устроился при журнале «Трепач» — агитация в армии, другой организует хоры певчих для Черноморского флота, третий — по фармацевтической части... Вот еще баритон Пичуга-Пичужский, тот, что в опере пел, — он теперь на мыловаренном заводе — чудное место и тоже на оборону. «Я, — говорит, — по ночам не сплю — все грезится, что на фронте и наступаю». При современной мыловаренной нужде это абсолютно для него невозможно.

— Да, брат, ничего не попишешь...

Друзья опять присоединились к манифестации.

С ними шли полки солдат, которым давно пора на фронт, толпы интеллигентов, которым нельзя было оторваться от табачных синдикатов и мыловаренных заводов, чтобы с ружьем в руках защищать революционную страну.

Над манифестантами колыхались знамена с разными лозунгами:

«Да здравствует наступление», «Да здравствует Керенский», «Вперед, за свободу», «Мы не изменим союзникам»...

Михаил Ефимович.

«Русская воля», веч. вып., 22 июня 1917 г.

ЕГО ПОЗИЦИЯ

— Война до конца? Вы, кажется, на этой позиции стоять будете?

— До конца-то — до конца. Только стоять на позиции я, извините-с, не намерен!

«Свободный журнал», № 5, 1917 г.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Ярославнин глас слышен. Зегзицею
незнаемо рано кличет.
«Слово о полку Игореве».

Гучковский[1] глас слышен,
Александр Иваныч рано кличет,
Только уж не зегзицей, —
Другою птицей:
Мокрой курицей
Сидит на петроградской градской стене,
Смотрит и жмурится.
Квохчет:
— Горько мне
И очень обидно,
Что немецкой рати не видно.

[1] А. И. Гучков — вождь крупной русской буржуазии. Руководитель военно-промышленных комитетов. Ярый сторонник «войны до конца», в 1-м Временном правительстве занимал пост военного министра. Первым покинул Временное правительство.

Наступать немец не хочет...
Эх, началось бы немецкое наступление,
Пошли бы враги напролом,
И я из курицы стал бы орлом,
Таким, что мое вам почтение!
Немцы ближе и ближе,
А я с милым
Корниловым[1],
Как в осажденном Париже,
Цапал бы всяческих монтаньяров,
Господ коммунаров,
И под патриотическую «уру»
Разделывался бы с этою братией поутру...
Курица глаза пялит:
— Господи, никак валит?
Сейчас от радости я помру!
Объявляю положенье из осадных осадное!!!
Но была эта радость без толка,
Случилось нечто досадное:
Пыльная прошла богомолка...
Солнце садится,
Квохчет зегзица.
Гучковский глас слышен,
Александр Иванович поздно хнычет.
Так ему, бедненькому, обидно,
Что немцев не видно.

Скандербег.

«Будильник», № 18, 1917.

---

[1] Корнилов Л. Г.—генерал, с июля 1917 г. главковерх. При поддержке правых кругов (съезд общественных деятелей, Дума и проч.) требовал восстановления смертной казни на фронте и в тылу, «железной» дисциплины и т. д.

РЕЧЬ ДОБРОГО ДЕДУШКИ, МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА РОДЗЯНКО[1]

Братики - солдатики, солдатики - братики!
Здравствуйте, солдатики, братики - солдатики!
Хоть вы демократики, солдатики - братики,
Верьте мне, солдатики, братики - солдатики!
Вас войны набатики, солдатики - братики,
Тащат на Карпатики, братики - солдатики.
Бейтесь, сколько хватит силы,
Подставляя пулям грудь;
Безыменные могилы
Завершат ваш скорбный путь.
Знамя красное алеет,
Блещут жадные штыки.
Счастлив тот, кто уцелеет
Без ноги иль без руки.
Мы его за славу бранную
Чтить и радовать должны,
И протезу деревянную
Он получит от казны.
Он получит, братики, солдатики - братики,
Как при старом строе.
Верьте мне, солдатики, братики - солдатики,
Верьте мне, герои!

Скандербег.

«Будильник» № 17, 1917 г.

[1] М. В. Родзянко — председатель 3-й и 4-й Государственных дум, камергер его величества, крупный помещик. Возглавляя в февральские дни 1917 г. врем. комитет Гос. думы, принимал все меры к сохранению монархии. На протяжении всего 1917 г. являлся центром монархических группировок, объединявшихся Временным комитетом членов Государственной думы.

ПРИКАЗАНО, ДА ПРАВДЫ НЕ СКАЗАНО

(Солдатская песня.)

Нам в бой итти приказано:
— «За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой итти приказано:
— «Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой итти приказано —
«Союзных ради наций».
А главное не сказано —
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — зпалатушки,
Кому — милльон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

Костерный [Д. Бедный].

«Социал-демократ», № 159, 16 (29) октября 1917 г.

К ОТВЕТУ

Гремит и гремит войны барабан.
Зовет железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба

бросают на сталь штыка...
За что?
Дрожит земля,
голодна,
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
что бы кто-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человечьих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра,
и душу вытащат
и растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев —
свобода?
Бог?
Рубль?
Когда же встанешь во весь свой рост

ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо ты бросишь вопрос:
— За что воюем?

Вл. Маяковский.

«Новая жизнь», № 96, август 1917 г.

Рис. К. Ротова.

ТРАВЛЯ

ГИБЕЛЬ РОССИИ
(на столбцах либеральной газеты).

Метранпаж: Нынче как, Николай Иванович, Россия гибнуть будет, — на 4 или на 7 колонках?

Редактор. Нынче? Нынче валяйте на все 14, — поглавастей!

«Будильник», № 27,
август 1917 г.

«Будильни́къ», iюнь 1917 г., № 24.

ПРИ ЖЕЛТОМ СВЕТЕ

В желтых газетах описывают манифестацию:

«...День был пасмурный, ибо солнца на небе не было. Оно было в глазах манифестантов.

Ветер ласково трепал и целовал знамя, на котором были написаны великие слова, сказанные нашими великими социалистами Марксом, Дейчем, Алексинским, Каутским и декабристами.

Читатель, конечно, догадывается, что слова эти были: «Да здравствует Временное правительство!»

Какой-то человек в кожаной куртке, явный преступник и шпион, сделал движение рукой.

Как он пытался потом объяснить, это движение он сделал, чтобы достать носовой платок, но увертка не удалась.

Всем было ясно, что человек в кожаной куртке хотел сделать покушение на святое знамя свободы, и его, слегка помяв, отправили в комиссариат.

Манифестация продолжала свое триумфальное шествие. Вслед за ней показалась другая манифестация.

Несколько тысяч подкупленных немцами людей несли отвратительное знамя, на котором были написаны отвратительные слова: «Долой Временное правительство».

Один доблестный казачий офицер, революционер, потомок древних казачьих революционеров, не вытерпел.

Затрепетало в груди его революционное сердце, и он, бросившись на наглое знамя, молодецки изорвал его.

Безумству храбрых поем хвалу!!»

Отчет о заседании съезда:

«...Слово взял тов. Алексей, красивый мужик, плотный, коренастый, настоящая черноземная сила, тяга земли...

На своем простом мужицком языке он стыдил большевиков и говорил им:—не гоже, братцы, так поступать. Помните сказку про веник: пока он веник, то никто не разломает, а разобрать его на прутья, и венику конец. Берегите же веник, т. е. правительство.

И сколько любви к родине нашей светилось в его простых мужицких глазах! Сколько благородства было в его манерах!

В глазах его была сила, была неземная красота.

Вслед за ним вышел на трибуну человек с мрачным циммервальдским взглядом в солдатской форме (наверное переодетый немец), тов. Яков (наверное Шнеерсон) и стал говорить об Интернационале.

Говорил он вяло, путаясь в словах, точно переводя их мысленно с немецкого.

Лицо у него было безобразное, со следами преступных мыслей.

Голос у него был неприятный и плохой. На человека с мало-мальски развитым ухом голос производил удручающее впечатление.

Было ясно, что человек с таким лицом и голосом не может не находиться на службе у врагов отечества.

Когда он стал уходить с трибуны, он как-то поскользнулся, и несколько немецких марок выкатилось у него из кармана.

У него не хватило смелости подобрать их и спрятать обратно в карман.

Доколе, о господи!!!...»

Так живет и работает в столь тяжелое для всех родин и всех отечеств время желтая пресса.

О. Л. Д'ор.

«Новая жизнь», № 60, июнь 1917 г.

КОРОВА

В четыре часа дня, в самый разгар уличного движения, на углу Невского и Садовой, какой-то крестьянин вел корову. Корова внезапно чего-то испугалась, бросилась бежать и с размаху ударилась в переднюю часть трамвайного вагона.

На следующий день в газетах появились заметки о происшествии.

«ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ»

«Вчера произошло столкновение трамвая с коровой. Наши милиционеры умеют только курить папиросы и накладывать секвестр на спирт. Мы спрашиваем: ведь даже в Германии, столь любезной большевистскому сердцу, на улицах поддерживается строгий порядок. Впрочем, быть может, эту корову привез с собой Ленин в запломбированном вагоне?»

«РЕЧЬ»

«К сожалению, нельзя не констатировать печальный факт нашей государственной разрухи, выразившейся в четырнадцатиминутном перерыве трамвайного движения из-за появления коровы. Ничтожный сам по себе факт имеет существенное предостерегающее значение

*

в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание. Адреса членов партии народной свободы — на четвертой странице».

«РУССКАЯ ВОЛЯ»

«Может быть, это смешно, и вероятно кто-то ехидный и злобный, хихикающий в кулак и ликующе втаптывающий в грязь искреннее чувство, уже готовит свой злобный ответ, — но нужно понять всю безысходность русской жизни, если какая-то корова может остановить громыхающий пульс столичного города. Пусть коровы отстаивают жизнь людей, пусть придут в Россию торжествующие завоеватели. Пусть. Я жду этого. Я этого хочу...»

«БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»

«Нашему сотруднику удалось побеседовать с дежурным милиционером адмиралтейской части г. Антоном Семеновичем Перекотиловым, который сообщил, что перерыв трамвайного движения, происшедший из-за коровы, не грозит общему благосостоянию Петроградского населения. Мы проверили это заявление в Главной палате мер и весов, а также в Ученом комитете горного департамента, и отовсюду получили вполне успокоительные заверения».

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

«Гибнет культура. В город, где высятся прекрасные здания, где столько музеев, картин и книг, приходит наглая и уверенная корова и топчет плоды нашей материальной культуры.

На фронте миллионы людей бессмысленно режут и колют друг друга, и к запаху крови, к дикой оргии

человекоубийства присоединилась эта бессмысленная корова, которая, конечно, прежде всего, так и бросилась на носителя культуры — городской трамвай».

«ДЕНЬ»

«...Банкротство кадетизма сказывается на каждом шагу. Догматическое упрямство Милюкова завело партию народной свободы в безвыходный тупик. Факты, могущественные факты, во всем их многообразии, подтверждают кадетский крах на каждом шагу. Выступление коровы, продиктованное правым крылом кадетской партии и несомненно инспирированное эволюционными стремлениями кадетства, не могущего до сих пор войти в русло революции, показало безжизненность этой группировки. Мы ждем, что скажут представители партии народной свободы на ближайшем партийном съезде по поводу неудачного «жирондизма» злополучной коровы».

«ПЕТРОГРАДСКАЯ ГАЗЕТА»

«Страшное происшествие на Невском проспекте. Бесстыдство коровы. Столкновение трамваев. Германский шпионаж.

В самый разгар дневного движения, когда десятки трамваем с ослепительной быстротой молнии мчатся один за другим, появилась корова, задерживающая рогами подгнивший механизм нашей муниципальной машины. Отцы города, господа гласные и безгласные, что вы на это промычите?

Наш сотрудник был любезно принят виновницей трагического происшествия, которая сообщила следующее:

— Прежде всего считаю своим долгом указать, что все сообщения о причастности к моему делу германской

разведки ни на чем не основаны. Я принадлежу к старому крестьянскому роду, родилась на ферме О-ое (полное название зачеркнуто редактором, из опасения рекламы), среднее образование я получила в Сорбонне, а высшее — в Лондонском Институте путей сообщения, посящем название «Вестминстерское Аббатство». Мои любимые блюда — такие же, как у покойного Варламова и ныне здравствующего Давыдова. О моем борще — сообщу в следующий раз.

От редакции: Напоминаем нашим читателям, что революционное выступление коровы имеет свою историю, и нечто подобное случилось во время французской революции в 1234 г., когда Робеспьер получил титул первого консула».

«ГАЗЕТА-КОПЕЙКА»

«Какая красочность и удивительная сознательность у этой стремительной коровы. Ее хвост, да это, право, целая симфония и лучше всякой другой гармонии говорит за необходимость немедленного наступления. Ну-ка, сограждане, за работу...»

«ПЕТРОГРАДСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

«Сообщение о выступлении коровы не может быть напечатано в этом номере в силу технических условий и накопления объявлений о казенных подрядах и торгах».

«МАЛЕНЬКАЯ ГАЗЕТА»

«Скажу я вам, братцы, рады стараться, — вылезла на Невский корова и шума наделала большого. Трамваи все остановила, двух барынь придавила, телеграфный столб свалила и вожатому ухо откусила. Красивый был парад...

Да здравствует интернациональный пролетариат! А корову-то в милицию забрали, чтобы товарищи впредь не врали! Она в комиссариате — ах да ох, а вам кланяется кот Кабысдох».

Бор. Мирский.

«Бич», № 21, 1917 г.

ВОЗРОЖДАЮЩАЯСЯ «ЗЕМЩИНА»

«Правда» — название лжи, Шейдеман — то же самое, что у нас Фредерикс.

Нахамкес — девичья фамилия Стеклова.

«Единство», № 39.

Проговорилися. Что ж? Наш прогноз готов:
«Бей немцев» перейдет, конечно, в «бей жидов».
Благодарим покорно!
Такие лозунги кого введут в обман?
Плеханов — говорят: он русский Шейдеман,
«Единство» ж — «Земщина», бесспорно!

Мужик Вредный.

«Социал-демократ», № 56, 29 мая 1917 г.

АНТИСЕМИТИЗМ ИЛИ ГЛУПОСТЬ

Прочитал № 55 милого «Единства» и вспомнил один печальный эпизод.

Было это в 1905 г. Был еврейский погром. Громили какой-то еврейский магазин.

Когда уже было все разгромлено, и громилы собирались уходить, подошел к разбитому магазину какой-то

придурковатый парень с тупыми телячьими глазами и, ухмыляясь, сказал:

— А там, гы, гы, жид в бочке.

Громилы остановились.

— Где? Где? — послышалось кругом.

— Вон там, гы-гы — за стойкой. Весь в бочку влез, только пантоли и видны. Гы-ы — умора!

Еврея вытащили из бочки и убили.

В то время как еврея убивали, придурковатый парень уже не смеялся. Он стоял бледный, как смерть, в его телячьих глазах была искренняя жалость.

Разве этот придурковатый парень был антисемит?

О нет, вместе с придурковатым «Единством» он имел полное право ударить себя в грудь и воскликнуть:

— С какой стороны я — антисемит?

Кто может обвинить меня в антисемитизме?

И так же, как «Единство», он был бы прав.

В самом деле, кто может обвинить умное «Единство» в антисемитизме? Никто! Никто! Никто!

Оно только подошло к толпе и, ухмыляясь, сказало:

— А вон там жид в бочке, гы-гы...

Толпа зашумела. Старые погромщики из «Нового Времени», «Вечернего Времени» и «Маленькой газеты» завопили:

— Где? Где?

— А там... в «Правде» и «Исполнительном Комитете», гы-гы...

«Единство» напечатало целый список псевдонимов, под которыми скрываются евреи писатели и деятели революции.

И немножечко, только немножечко оно схитрило и передернуло.

В Правде, например: есть четыре псевдонима — Ленин, Каменев, Зиновьев и Демьян Бедный. Из них двое русских и два еврея.

«Единство» разоблачило только евреев.

Теперь «список «Единства», т. е. список евреев, «разоблаченных» в органе Плеханова, гуляет по провинции. Там, как уже сообщили газеты, ведется погромная агитация.

Мы не сомневаемся, что, если случатся какие-нибудь эксцессы с евреями, «Единство» будет страшно огорчено.

Как тот придурковатый парень с телячьими глазами, который указал на «жида в бочке», умное «Единство» будет стоять бледное, как смерть, может быть, даже завопит:

— Не надо, отпустите еврея!

Но от этого избиваемому вряд ли будет легче.

О. Л. Д'ор.

«Новая жизнь», № 45, (21) июня 1917 г.

«ВСЛЕДСТВИЕ АГИТАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ...»

Один из лунных жителей как-то поскользнулся, упал и свалился на нашу грешную землю.

Захотелось ему познакомиться с нашими порядками, и он накупил кучу газет, сел у памятника Александра III и стал читать:

«...Вследствие преступной агитации большевиков генерал Май-Маевский, герой 18-го июня, не выполнил приказа высшего начальства и увел свои полки во время боя. Проще говоря, вследствие зловредной агитации большевиков, генерал бежал с поля битвы.

Преступные большевики арестованы. Бравый генерал, по слухам, предается суду».

Лунный житель стал читать дальше:

«...Растлевающая агитация большевиков продолжается. Благодаря этой агитации один из преданнейших революции генералов, генерал Гурко написал письмо бывшему царю, в котором пишет:

— Спи спокойно, бывший царь! Мы притворяемся республиканцами, но ты, царь батюшка, знаешь наше сердце. Спи спокойно! Мы расчистим тебе путь к трону,

В поступках генерала Гурко прокуратура, к счастью. не нашла состава преступления. Преступные большевики арестованы».

Лунный житель перевернул страницу и прочитал:

«...Еще три жертвы большевистской пропаганды. Братья Суворины, под влиянием гнусной, все разъедающей и все растлевающей пропаганды большевиков, цапнули при старом режиме восемьсот тысяч.

К счастью, Суворины и деньги на свободе. Преступные большевики арестованы».

Лунный житель взял другую газету. В ней было напечатано на первой странице:

«...Большевики добились своего! Вследствие их тлетворного влияния Владимир Бурцев отказался от третейского суда. Подобный акт до сих пор считался позорным...

Преступные большевики, конечно, арестованы».

Лунный житель взял третью газету. В ней он прочитал:

«...В цирке Чинизелли произошел грандиозный скандал. Должен был состояться митинг с речами и прениями.

Обещали приехать члены Временного правительства, но вследствие преступной агитации большевиков министры не приехали.

Взамен речей начались прения. Публика препиралась с устроителями митинга.

Вследствие растлевающей агитации большевиков публика называла устроителей митинга жуликами.

Большевики арестованы. Жулики во-время скрылись».

«Странно! — подумал лунный житель: — куда ни глянешь — большевики. Вот, например, и тут...»

Взгляд его остановился на заметке в хронике под заглавием: «Убийство тещи», и он прочитал:

«...Вследствие тлетворного влияния большевиков сапожник Иван Шило пырнул ножом свою тещу...»

И лунному жителю так захотелось увидеть большевика, что он не вытерпел и, остановив первого прохожего, попросил его:

— Будьте добры, покажите мне большевика.

Прохожий вытаращил глаза и с изумлением спросил:

— Вы, товарищ, с луны свалились?

— Совершенно верно! — сказал лунный житель: — я поскользнулся и упал на вашу землю.

— То-то. Вот вам, товарищ, мой совет: ни к кому не обращайтесь с такими просьбами. За такие слова по головке не погладят. А еще лучше, поезжайте себе на луну.

Лунный житель уехал, а на следующий день в газетах появилась следующая заметка:

«Вчера прибыла к нам депутация от жителей луны, чтобы приветствовать нашу юную свободу, но вследствие тлетворной агитации большевиков она отправилась обратно».

Виновные большевики были разысканы и арестованы.

О. Л. Д'Ор.

«Новая жизнь», № 93, 1917 г.

НА РУСИ

«Освобождены из-под стражи: д-р тибетской магии Бадмаев, сотрудник «Земщины» Лука Злотников, редактор черносотенной газеты «Гроза» Жеденев и редактор «Земщины» Глинка-Янчевский».

(Из газет.)

Туманятся умы...
Грешки... Забавы чорта...
Свободу взяли мы
Не третьего ли сорта?

Свободу раскуси...
Ан глядь: пустой орешек!
Как видно, на Руси
Не счесть чиновных пешек...

Как будто нет оков...
А где шаги прогресса?
— В тюрьму большевиков!
— На волю мракобеса!

Победа иль урон?
Победа? Чьих же станов?
Пожалуй, вновь на трон
Кряхтя вползет Романов.

Петр Бунаков.

Моск. «Известия Сов. Раб. Деп.», [1] № 153, 2 сентября 1917 г.

---

[1] В сентябре 1917 г. московские «Известия» выходили при большевистской редакции.

СПЕШКА

Чтобы объяснить аресты большевиков, опубликован, вместо материалов следствия, прямо «обвинительный акт», — в судебных летописях случай небывалый.

Чем в суесловьи вам бродить,
Как за иголкой в чаще бора;
Чем обвинять да чем судить, —
Начните прямо с приговора!

Ф.

«Будильник», № 27, август 1917 г.

* * *

Все обрушились на Ленина. В том числе и Кшесинская. Она требует немедленного выселения Ленина из ее особняка. [1]

«Будильник» сказал:
Ох, сколько шума, треска, гула!
О, этот крик газет! О подлость этих строк!
Хрипит Кшесинская: — И я его лягнула:
Пусть знает мой «стальной носок»!

«Будильник», № 17, апрель 1917 г.

[1] Особняк балерины Кшесинской, любовницы Николая II, был занят в марте 1917 г. броневым отрядом и передан раб.-партийным организациям. Являясь штабом революционных сил, «Дворец Кшесинской» стал жупелом для контрреволюционной улицы.

«БУКА»!

(Буржуазно-колыбельная песенка.)

Спи, дитя мое, усни.
Мне с тобою мука.
Ручек к «Правде» не тяни!
«Правда» — это Бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибытка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

Мужик Вредный.

«Правда», № 30, 1917 г.

САТИРА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ГОСПОДАМ КЛЕВЕТНИКАМ ИЗ БУРЖУАЗНЫХ ГАЗЕТ

Лишась последнего стыда,
Старайтесь, господа! Старайтесь, господа!
Вы, дескать, хороши, а мы куда как худы.
Пытайтесь нас разить предательской рукой.
Пусть позавидуют умелости такой
Нас предававшие — еще до вас — Иуды!
Те предавали нас за мелочь, за гроши,
Ведя на нас со всех сторон охоту.
Но вы... вы опытней. Большие барыши
Вас ждут за гнусную работу!

Д. Бедный.

«Правда», № 8,
1917 г.

«ИЗ-ПОД ТАИНСТВЕННОЙ ХОЛОДНОЙ ПОЛУМАСКИ...»

(посвящается клиентам Михаэлиса, Роберта Гримма и К°)

Хор (на мотив из «Али-Бабы»).
— Нас сорок, нас сорок,
Нас сорок всего...
Нам Берлин всем дорог,
Любим мы его...

«Бич», № 32, август 1917 г.

НИКОЛАЙ и АЛИСА

Она. Посмотри в зеркало: как мы похудели! Когда-то мы поправимся?!

Он. А вот, подожди, когда вся армия перейдет на сторону нашей охранки, то бишь большевиков, тогда и наши дела поправятся.

«Пугач», № 16, 1917 г.

НОВАЯ 129 СТАТЬЯ

Большевик: Рядовой Сермягин! Вы обвиняетесь в том, что в ночь на 18 июня в сообществе с преступной организацией, именующей себя Великой армией русской революции, внезапно напали на немецкие войска, отдыхавшие на русской территории, что приводит к ниспровержению существующего строя в Германии...

«Новый сатирикон», № 17, июль 1917 г.

НОВЫЕ ЧАСТУШКИ

С легкой ленинской руки
В ход пошли большевики,
Подарили немцам Ригу,
А Вильгельм им — с маслом фигу!

Наши парни пустомели
Ходят рваны, без подмет,
Зато немца приодели
Тысяч этак на семьсот!

С. Михеев.

«Стрекоза», № 40, 1917 г.

ОПАМЯТОВАЛСЯ

— Ты знаешь, чем впоследствии будут угощать Ленина?

— О, да, для меня теперь очень ясно, что удостоят его дубинкой по мягкому месту!

— А я полагаю, что ему хорошая пара есть...

— Кто?

— Вильгельм. Их взять и повесить на одном сучке.

— Наконец-то ты стал человеком. Ур-а-а!

«Кухня сатира», № 1, август 1917 г.

ЗУБЫ

«Мы скоро покажем им зубы».
Из «Правды».

Большевистская печать,
После горестных дебатов,
Хочет зубы показать
Всем Советам депутатов.
Что ж, посмотрим! Не беда!
Хоть пейзаж не очень ценен:
Ведь у «Правды» был всегда
Главный зуб — товарищ Ленин.
И, смотря на этот зуб,

Я совсем не очарован:
Очевидно, стал он туп,
Раз он был запломбирован. [1]

В. Г.

«Бич», № 25, июнь 1917 г.

НАПРАСНЫЕ ПОИСКИ

— Почто, о Диоген Львович, ты вновь возжег пытливый фонарь свой?

— Ищу большевика, который не был бы германским агентом.

«Бич», 28 июля 1917 г.

В АЛЬБОМ М. ГОРЬКОМУ

От коллег из «Новой жизни»
Заражаясь все сильней,
Погрязает в большевизме
Славный русский корифей
И, играя немцам в руку,
В хилом органе своем,
На людей наводит скуку
Циммервальдовским враньем...
Ах, болезнь неизлечима!
Горизонт чернее клякс,
И из Горького Максима
Скоро выйдет Биттер Макс!

В. Голиков.

«Барабан», № 17, сентябрь 1917 г.

---

[1] Проезд революционеров-эмигрантов в Россию в «запломбированных» вагонах был использован желтой печатью как «доказательство шпионской деятельности большевиков».

БОРОДАТАЯ БАЛЕРИНА

Не реклама-с! — Человек
С бородою длинной
Стал, дивя XX век,
Прима-балериной.
Это видела толпа...
С знойностью сардинской
Он откалывает па
Во дворце Кшесинской.
Заколдован, знать, дворец,
Хоть не верим в сказку:
Кто вступил в него — конец!
Вмиг впадает в пляску!
Балерина-гражданин
Перед целым светом
Танцы пляшет, то один,
То с кордебалетом.
— Ту-са! Ту-са! К-мам-ча-чо!
Льют привет цыганный.
Н-да, танцуют горячо,
Только... танец странный.
Не капкан, не краковяк,
Не «Комар» родимый,
Не украинский гопак,
Россами любимый...
Не поймешь, не различишь,
Что сплясал «Кшесинский»:
Анархический матчиш
Или... вальс берлинский?

«Барабан», № 7, май 1917 г.

КАТЕХИЗИС БОЛЬШЕВИКА

— Какая разница между дворцом Кшесинской и больницей св. Николая-чудотворца?

— Никакой.

М. Леденецкий.

«Бич», 24 июня 1917 г.

ЩЕДРЫЙ МИНИСТР

У Вильгельма — пляс чертовский,
У Вильгельма — пышный пир...
Генерал фон-дер Верховский [1]
Хочет дать Берлину мир!
Кайзер, спрятав жало кобры,
Веселее ста невест:
— О, Верховский — малый добрый...
Дать ему Железный Крест!
Потирает руки быстро
Сам всесильный Гинденбург:
— Попрошу сего министра,
Чтоб поднес нам Петербург!
Канцлер тоже очень весел:
— Русс — дурак, но очень мил!
Мясоедова повесил
И Верховского родил...

---

[1] Ген. Верховский А. И. — военный министр в кабинете Керенского — в силу всеобщей разрухи поставил вопрос о необходимости частичной демобилизации армии и скорейшего прекращения войны, за что и был подвергнут травле.

Генерал, что тверже кедра,
Угодив большевику,
Отдает Россию щедро
За понюшку табаку.
Браво! Браво! Пусть Европа
Хлебосольство наше зрит:
— Немец, выдь-ка из окопа,
Съешь Рассеюшку, как кит!
Нам-то что! Берлины, Вены
Поважней, чем Петроград,
Лишь бы наш министр военный
За Вильгельма был бы рад!
Лишь бы, в деле откровенен,
В громких лозунгах игрив,
Резать мог злых россов Ленин,
Добрых немцев пощадив...
Шибче, шибче пляс бесовский!
Веселее прусский мир:
Генерал фон-дер Верховский
Кайзеру подносит мир!

Сэр Дим.

«Живое слово», № 122, сентябрь 1917 г.

«Я»

Я ненавижу советы.

Те, которые даются друзьями.

Я люблю думы.

Грустные лирические думы, которые теснятся в голове в скорбные осенние вечера...

Милые читатели «Задушевного слова», кто еще из вас любит думы и ненавидит советы?

Анатэма.

«Бич», № 40, 1917 г.

В МОСКВУ!

Решительный удар, который реакция хотела нанести революции, должен был пройти под флагом «общенационального». Нужно было закрепить «завоевания» капитала под соусом «порядок и отечество». Нужно было создать видимость общенациональной санкции для грядущего окончательного переворота, для реставрации и возврата к монархии, которой, как рыба воды, жаждали мартовские «республиканцы» Нужно было, наконец, создать себе прочную организационную базу. Так возникла идея, Московского государственного совещания, нового Земского собора, где «мертвецы» Государственной думы должны были схватить за горло российскую революцию...

Н. Бухарин.

МОСКОВСКОЕ КОРОНОВАНИЕ

Рис. Д. Моора.

В Москве собирается «Московское совещание»...

КОРОНУЕМОЕ ЧУДИЩЕ. Возглавляет — мозги России — Милюков, правая рука — Некрасов, левая — Керенский, правая нога — Терещенко, левая — Авксентьев.

СПРАВА: духовенство, трубы, знамена, толпа.

СЛЕВА: сомневающиеся, — «шику, мол, много, а толку мало».

«Будильник», № 38, август 1917 г.

В МОСКВУ!!! [1]

(Сказка про белого бычка)

1

Комитеты и советы,
И министры, и кадеты—
Все желанием горят
Бросить шумный Петроград.
В Петрограде думать плохо,
В Петрограде суматоха,
Слишком много в нем людей,
Что ни встречный, то злодей,
А стране для утешенья
Нужны мудрые решенья;
Отовсюду прут враги.
Чтоб спастись, — нужны мозги.
Вот Москва — иное дело,
Тишина там без предела
И другой совсем народ,
Безобидный, точно крот...

[1] Московское государственное совещание 12—14 августа было созвано Керенским из представителей преимущественно буржуазных общественных групп с целью укрепить положение правительства. На этом совещании ясно определилась ориентация контрреволюционных сил на ген. Корнилова, встреченного овациями правой части совещания. Никаких практических результатов совещание не принесло, только обострив межпартийные разногласия.

Там накормят пирогами,
Шевельнем мы там мозгами;
Все свершится наяву.
Решено! Айда, в Москву!

2

Подъезжают. Ясны лица.
Из окон видна столица.
Тишина-то, тишина!
Обмозгуем все сполна!

3

Комитеты и советы,
И министры, и кадеты
Принасупились в Москве.
Тяжки мысли в голове:
В златоглавой думать плохо,
В златоглавой суматоха.
Слишком много здесь людей.
Что ни встречный, то злодей,
А стране для утешенья
Нужны мудрые решенья;
Отовсюду прут враги.
Чтоб спастись — нужны мозги.
Петроград — иное дело;
Тихим стал он без предела;
Там совсем другой народ,
Не такой, как здесь, урод.
Сядь у моря с берегами,
Шевели себе мозгами.
Там покой, а здесь — набат.
Поскорее в Петроград!

Подъезжают. Ясны лица.
Вот и Невская столица.
Тишина-то тишина!
Обмозгуем все сполна.

4

Комитеты и советы,
И министры, и кадеты —
Все желанием горят
Бросить шумный Петроград.
В Петрограде думать плохо,
В Петрограде...

и так далее, пока не останемся без Москвы и без Петрограда.

Скандербег.

«Будильник», № 27, август 1917 г.

ПЕСЕНКА [1]

На Московском «славном» вече
Слаще меда лились речи
Именитого купечества
О спасении отечества.
У купчины-патриота
Об одном была забота:
Усмирить большевика,
Обуздать как мужика.

[1] Характерным для совещания явилось демонстративное рукопожатие между представителем торгово-промышленных кругов Бубликовым и меньшевиком Церетели, символизировавшее коалицию буржуазии с «демократией».

Большевик мутит народ.
Против бар, против господ.
Он кричит: народу власть!
Это ль, что ли, не напасть!
Что б отечество спасти,
Надо строгости ввести,
Что б не пикнул демократ,
Да покорен был солдат.
Бубликов да Церетели
Подружились в этом деле,
Рука ручку крепко жмет,
Полюбуйся, мол, народ.
— Понапрасну, все вы плачетесь,
От революции не спрячетесь.
Знаем, имешитое купечество,
Что — Кошель твое отечество.

Мих. Кирюшкин.

«Работница», [1] № 9, 1 сентября 1917 г.

ДОВОДЯЩИЕ

«Мы доведем страну до Учредительного собрания» (Фраза из правительственной декларации).

За родину вы души кладете
Вместе с утробой...
Довести-то вы нас доведете...
До чего — вопрос особый...

Контр.

«Тачка», № 4, октябрь 1917 г.

[1] Массовый журнал, выходивший в Петрограде под большевистской редакцией.

МОСКОВСКОЕ

Кичились мужеством — и, правда, без боязни
Зааплодировали — ... казни. [1]

Э. К.

«Новая жизнь», № 130, август 1917 г.

«ЛИБЕРДАН» [2]

(Московский танец)

«Лабардан».
(Из «Ревизора».)

1

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцовали Либер с Даном,
Взявшися за ручки.

— «Либердан»! — «Либердан!»
Счета нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам.

2

Милюков кричал им — «браво!»
И свистел на флейте.
— «Жарьте, право, вправо, вправо!
Пяток не жалейте.

---

[1] При словах Керенского о восстановлении смертной казни на крайней правой раздались жидкие аплодисменты.

[2] «Либердан» — Либер + Дан, меньшевики-оборонцы и соглашатели, руководители первого Съезда советов.

— «Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший план:
Танцовать направо.

3

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.

— «Либердан!» «Либердан!»
Что же вы, ребятки?
Баре сели в шарабан —
Живо на запятки!!

Демьян Бедный.

«Социал-демократ».
№ 147, 25 августа 1917 г.

ГОРОДОВОЙ!

...Обыватель, который раньше аплодировал Керенскому, а в марте плакал слезами умиления перед «первым революционером» Родзянкой, этот мелкий буржуа, привязанный к колеснице империализма прямо *ж а ж д а л* «порядка» и «твердой власти». Его возмущало положительно все: его возмущали солдаты, которые даром висели на подножках трамвая, и он искренно радовался, когда они расшибали себе лбы; его возмущали горничные и дворники, которые получали уже не 10 рублей в месяц и которые осмеливались требовать для себя человеческого существования; его возмущали Советы, которые «грабили» домовладельцев, реквизируя пустые помещения.

Как базарная торговка, он жадно ловил ухом всякую сплетню, направленную против революции, и тотчас размножал ее в своих листках, газетах, прокламациях, разговорах вслух и нашептываниях на ушко. В этом трогательно сходились засаленная куртка торговца свининой и изящный костюм театральной балерины.

Н. Бухарин.

ТОСКА О ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ

Рис. Н. Ре-ми.

Обыватель: — О, дорогая тень! Если бы ты знала, как я тоскую о тебе под лучами слишком жаркого для моего организма солнца свободы...

«Нов. сатирикон», № 18, 1917 г.

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Сегодня позвонили по телефону, разбудили и предупредили, что Россия гибнет. Должно быть, к вечеру, не раньше, потому что Петя и Марья Степановна, предупредившие об этом, сказали, что днем едут подыскивать дачу.

Встал, умылся, сложил вещи, написал несколько записок и еду.

Опять позвонили:

— Погибла. Подробности в вечерних газетах.

Читал. Действительно, кажется, погибла. Нужно будет завтра утром спросить у домового уполномоченного, под чьим мы теперь подданством. Он выписывает «Речь» и поэтому знает все. Зашел к нему, познакомился с гувернанткой-француженкой. Из уважения к договорам с союзниками пришлось называть ее: доблестной. Немного нехорошо выходит:

— Доблестная мадемуазель Вертю.

Но зато лойяльно. Я вообще человек лойяльный, и даже в февральские дни, когда совершалась революция, очистил свою квартиру от посторонних и несколько раз крикнул в ванной:

— Долой его императорское величество Николая II!

Домовый уполномоченный подтвердил петины опасения: Россия погибла; повсюду вводится кронштадтский

язык, его же будут преподавать в низших и средних учебных заведениях и вести на нем итальянскую бухгалтерию.

Совершил огромную нетактичность. Обратился к извозчику на вы. Проходивший мимо знакомый по клубу сурово заворчал, резко обернулся и пошел за мной. Не заметив этого, купил социалистическую газету «Молву».

— Какой позор, — прошипел знакомый, — так рабски подлизываться перед демократией...

Долго спорил я. Расстался с тяжелым осадком на душе. Как надо называть товарища министра? Назвать его товарищем министра — подлизыванье. Назвать господином товарищем министра — неправильно. Ночью придумал:

— Некто около министра.

Отказали от дома Ивапины. У них дядя в кадетском списке, а я мимо географической карты прошел и не поклонился Дарданеллам.

— Вы еще на мою кровать плюнете? Прощайте.

Ушел. Зато дома долго-долго раскланивался перед Гибралтаром. Правда, он в руках у англичан и закрыт для других замком такой же конструкции, что и Дарданеллы, но все-таки пролив. А пролив уважения требует. Не собака.

Получил письмо от бывшего сослуживца. — Мне, — пишет, — дай власть, какую бы я понял. Раньше было ясно: — Городовой.

И от каких слов происходит, понятно: город и вой. Может, и деревня выла, но это только подразумевается.

А теперь ничего не понимаю: —

И. К. С. Р. и С. Д.

— Хорошо, — пишет, — если это только инициалы, а настоящая фамилия — Романов, а если нет — тогда что?

Пошел в комиссариат, — там не знают. Дополнительную карточку на хлеб, — это мы можем — все равно хлеба нет, а насчет власти, — это не к нам надо.

Слава богу, сегодня узнал из двух утренних и одной вечерней, что все подкуплено. По крайней мере не надо думать ни над чем. Ленину посылают из Франкфурта, Зиновьеву из Кельна, хлебным очередям из Штуттгарта, дезертирам из Берлина.

Сегодня же встретил бывшего квартиранта.

— Говорят, что скоро война кончится. Больше одиннадцати лет воевать не будем. Надоело что-то.

Догадался сразу, из каких источников это. Побежал к его швейцару и расспросил, откуда присылают ему деньги. Оказалось, что из Нижегородской губернии. Неужели и там?..

Маленький просвет. Подлизыванье к демократии осуждено и осуждено официально. Старо-Тупинский 237-й полк потребовал привлечения в армию всех. Теперь принято выражаться: всех, всех, всех. Министерство подтвердило. Спасибо, что бухгалтеров и шорников оставили. Шорник — это для поддержания культуры России. Прекрасно придумано.

Катя отказалась ехать в театр. Разногласия по аграрному вопросу жуткая вещь. Зачем только я начал...

— Я, — говорит, — не отрицаю, что у крестьян земли мало, но как же это, если вдруг у Анисима Сергеевича землю отнимут? Он же ничего кроме этого делать не умеет.

Надо было влезть в спор... Теперь-то я понимаю, что, если война лет 17—20 протянется, так землю только между дворовыми кошками делить придется. Тогда не догадался.

*

Ага, наша взяла. Россия-то гибнет... Есть, конечно, предатели и немецкие шпионы, которые уверяют, что верят в нее и надеются, что все перемелется, да я то теперь знаю, на чьи деньги верят... И почему только не привлекают этих людей: среди белого дня заявляют, что Россия не погибла... Вот тебе и свобода слова...

С подлинным верно: *Л. Аркадский.*

«Новый сатирикон», № 22, июнь 1917 г.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ

«Ура-завоеватели, —
Бреттеры и мечтатели, —
Всю прыть в Константинополе
Бессовестно ухлопали.
А Ленины, а Ленины —
На пфенниги расценены —
Живут мечтами сладкими
Нагадить беспорядками,
А мы, Иван Семеныче —
Скрипим с утра и до ночи:
Нам ручки бы да в брючки бы,
Да сахарку, да мучки бы,
Да чтобы мирно кушалось,
Да чтобы Фекла слушалась,
Да чтоб валюта рублика
Пришла бы в соответствие...
А там — потоп, республика
Или другое бедствие, —
Ей богу, все равно!»

Желчный поэт.

«Бич», № 24, июнь 1917.

ДЕМОСФЕН и ЦИЦЕРОН

Всюду, на каждом углу посмотри: Демосфен с Цицероном
Брызжут друг в друга слюной и спорят, и спорят, и спорят.
Спорят, пока в небеса не выплывет тихо Селена
И не зажгут фонарей рабы электрических обществ.
После чего Демосфен с Цицероном, плащи запахнувши,
Громко рабов обругав, спорить уходят под крыши.

А. д'Актиль.

«Вольность», № 3, 12 октября 1917 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МАРГО [1]

Текст для перевода

— Как поживаете, Виктор?

— Спасибо, я вполне здоров, но мой кузен Александр потерял карточку на хлеб и на-днях умрет.

* * *

— Получили ли вы билет в Москву?

— Нет, но зато мне обещаны резиновые галоши.

[1] Хозяйственная разруха, начавшаяся с первых дней войны, значительно усилилась ко времени Октябрьской революции. В связи с уменьшением подвоза продовольствия в крупные города и промышленные центры все более росли цены на хлеб и другие продукты, все более чувствовалось приближение голода. Обострению разрухи содействовало неумелое руководство правивших партий хозяйственной жизнью страны.

*
* *

— Хотите ли вы получить Дарданеллы?

— Нет, я не хочу выборгского кренделя и предпочел бы обеспечить себя двумя карточками на сахар.

*
* *

Милюкова все зовут Павлом, а он нас зовет к невозможному. Дети, давайте строить карточные домики.

*
* *

Мы имели белый и черный хлеб.
Вы имели белый и черный хлеб,
Они и оне тоже имели черный хлеб.
Будем ли мы иметь белый и черный хлеб?
Будете ли вы иметь белый и черный хлеб?
Будут ли они иметь белый и черный хлеб?

*
* *

Я вздорожал.
Ты вздорожал.
Он вздорожал.
Мы вздорожали.
Вы вздорожали.
Они и оне тоже в высшей степени вздорожали.

*
* *

Мой брат знает все наиболее употребительные числительные. Вот они: «У меня нет ни о д н о г о куска сахару. Ты мечтаешь отдать в починку д в е пары ботинок. Вы вряд ли будете получать т р и фунта сахару в месяц. С е м ь раз взвесь и о д и н раз отрежь п о л т о р а фунта хлеба на ш е с т ь человек!

В. Уральцев.

«Свободные мысли», № 6 (148), 1917 г.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Почт-министр Церетели.[1] — Почему до сих пор не исполняется мой циркуляр об аккуратной рассылке почты?

— Он еще не разослан...

— А почему не разослан?

— Потому что рассылка неаккуратна.

«Барабан», № 14, июль 1917 г.

НЕУМЕСТНАЯ СПОСОБНОСТЬ

— А почему вас не приняли в милицию?

— Да по моей же оплошности. Прихожу туда, а они спрашивают: стрелять умеете? А я взял да и брякнул: Умею. Ну, они испугались и не приняли.

«Новый сатирикон», № 34, 1917 г.

МОДЕРНИЗОВАННЫЙ КРЫЛОВ

1

ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно
И говорит: — Когда б оно
Пшеничным было, я бы им, минуты не теряя,
Вознаградил себя вполне:

[1] Церетели, И. Г. — с.-д. меньшевик, министр почт и телеграфов, одно время министр внутренних дел в коалиционном правительстве Керенского; один из деятельнейших сторонников коалиции с буржуазией.

Двойную твердую я б цепу взял проворно!
Мораль несложная: и жемчуг не в цепе,
Когда в диковинку питательные зерна!

2

РАССТРОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ.

Когда в товарищах согласья нет
(Хотя б «товарищем» притом был кадет),
То выйдет из него не дело, только мука...
Однажды лебедь, рак да щука
Взялись припасы подвести.
И что же, воз застрял в пути.
Сей случай маленький, но вывод, правда ж, важен:
Беда с провизией, как транспорт не налажен!

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 144, октябрь 1917 г.

ГРАЖДАНИН

Писаки в тысячах заметок,
Стремясь нарушить мой покой,
Меня ругают так и этак...
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Я в убежденьях откровенен.
Гордясь ношу свой скромный чин.
Я не Плеханов, я не Ленин —
Я просто русский гражданин.
Я встарь молчал... царизму в пику!
«Ура» выкрикивал народ,
Встречая бывшего владыку,
Я ж... раскрывал для виду рот.

Я пострадал: взглянули косо.
Я — полицейскому алтын...
Ну, далеко ли до допроса?
Я не герой, но гражданин.
Я смело выскочил... в финале.
Скрывать идей своих нельзя!
Со мной республику признали
Начальство, армия, князья.
Свергать монархию скандально
Я не решился бы один,
Но ... если так официально, —
Я гражданин, я гражданин.
Чтоб поразить свою соседку
И проявить гражданский пыл,
Я трехаршинную розетку
Один из первых нацепил.
За волю! Трешницу на ленты!
Мне разоряться нет причин,
Но есть в истории моменты...
Я гражданин... я гражданин!
Я друг республики отчасти.
Я не мечтатель, как ни-как.
У нас нельзя без твердой власти,
Вот отменили твердый знак!
Чего же ждать? Свобода слова,
А нету букв. На миг один
Мне б повидать городового!
Но вообще я — гражданин.

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 43, 1917 г.

ТОСКА О ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ

— Господа! Нами правят никому не известные люди! Кто их знает?! Поэтому я предлагаю избрать диктатором бывшего Елабужского станового пристава Егора Васильевича Сенявихина — его я знаю, и Никодим Семенович знает, да и тетушка Марья Осиповна не откажется.

«Новый сатирикон», № 35, 1917 г.

БЛОКНОТ ГРАЖДАНИНА

Как встарь, являя пыл испанский,
Вполне достойный хладных мест,
Дон Пуришкевич Аккерманский
Поет игриво: Под арест!

— Родзянко, я скрывать не стану,
Безумно я люблю...
— Татьяну?..
— О нет, осмысленней мой пыл:
Мне как-то ближе Михаил!
«Охоты властвовать примета» —
С картонной саблею «дитя»
«Подготовляется» шутя
На заседаньях комитета,
Иль с бывшей Думой tête-à-tête,
Создатель, что за Комитет!
Тому, кому работать лень,
Восьмичасовый нужен день, —
Мы ж непрерывную работу...
Ведем, спеша к перевороту!..

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 110, 25 авг. (7 сент.) 1917 г.

КОРНИЛОВЩИНА

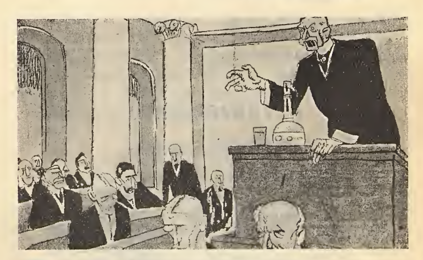
* * *

Ты тоска, моя тоска,
Гробоная ты доска.
Куды глазом ни гляну, —
Только видно, что войну
Оглушилось мое ухо
От военного от духа,
Поустала и рука
От железного штыка,
Оттопталисъ мои ноги
От военной от дороги...

Фронтовая песня. Записано С. Федорченко.

РАЗНИЦА ПОЛОЖЕНИЙ

Рис. Б. Антоновского.

Люди, которые стоят за мир.

Люди, которые лежат за мир.

«Бич», № 31, август 1917 г.

ГОЛОС ФРОНТА

Тарнопольские полки
Растеряли портки,
Да в родимый-то домок —
Что в портках, что без порток.

Хоть прорыв, хоть и нет,
А нам все едино,
Не австрийцу, а войне
Показали спину.

Как теперешний солдат,
Он не хочет воевать,
Стала жизнь свободная,
Война неугодная.

Как по дому я скучаю,
Дождался теперь случаю,
Жизнь — свобода у окна,
Не нужна война.

Вы, немецкий народ, —
Славная нация,
На войну вас ведет
Чиста провокация.

Прибери, солдатик, пулю
До другого разу,
На мужицкую войну
Дожидай приказу.

Не звони, Керенский, звоном,
Не хотим твово закону,
Ты не разговаривай,
С немцем мир устраивай.

Из фронтовых частушек, записанных С. Федорченко.

ПРОГУЛКИ «БУДИЛЬНИКА»

Разъяснилась история «Тарнопольского прорыва».

Вот официальный документ:

«Копия. Объявляю приказ по 6-й гренадерской дивизии. На дивизию пало обвинение за бой 6 июля в предательстве. Ей угрожал позор расформирования. По сему поводу было произведено расследование генерал-майором Ильковичем. Расследованием установлено доблестное поведение дивизии в вышеозначенном бою, и генерал-майор Гоштофт обратился к командирам 25-го и 12-го корпусов с телеграммой: «Считаю приятным для себя долгом с радостным чувством старого солдата поставить вас в известность, что по результатам расследования 607-й пехотный Млыновский полк и всю 6-ю гренадерскую дивизию нельзя обвинять в измене и предательстве. Дивизия 6 июля дралась и умирала». Подлинный текст подписал генерал-майор Гаврилов. С подлинным верно начальник штаба Колесников».

А в результате «боя 6 июля» была восстановлена в армии смертная казнь!

«Будильник» воскликнул с бешенством:

— В старой песне поется:
От клеветы всегда что-нибудь остается,
И от этой, вот, клеветы,
Над могилами казненных остались кресты!

И еще сказал «Будильник»:

— Да, клевета — великий грех!
За клеветою казней шквал
Над армией пролился...
И стало явственно для всех,
О чем Корнилов-генерал
У Иверской молился...

«Будильник», № 30, 1917 г.

ЕСТЬ ВИНОВАТЫЙ!

Когда три года тому назад наши войска в паническом страхе бежали из Восточной Пруссии, генерал Ренненкампф призадумался.

Было это в начале войны. Войска у нас были свежие, молодые и сытые. Не было тогда еще в армии ни старпков ни полудетей. Нервы еще не были потрепаны. Усталости армия не чувствовала.

Но благодаря «гениальности» полководца армия бежала. И задумался бравый генерал Ренненкампф.

Не о том он думал, чтобы вывести армию из тяжелого положения. Не о победе над врагом думал отец-

командир. В его гениальной генеральской голове была только одна мысль:

«На кого свалить вину? Кого объявить виновником панического бегства?»

И вдруг он воскликнул:

— А евреи на что? Еврика!

Генерал просветлел. Виноватый был найден.

Читатель еще помнит, какой праздник был тогда на улице «Нового времени» и других, ныне «революционных» газет.

У еврейских раввинов находили телефоны для тайных переговоров с Гинденбургом.

Еврейские младенцы сигнализировали немцам, указывая, где у русских спрятана артиллерия.

В тех местах, где евреев не было, — их выдумывали.

О великом несчастии, постигшем нашу армию в Восточной Пруссии, забыли.

Да это и было неважно...

Важно было то, что был найден виновный. Поганенькой правой прессе бросили «виноватого», и с остервенением, как собака кость, она стала грызть его.

Потом отступили из Галиции.

Опять стали валить на евреев, но, очевидно, генерал Ренненкампф обиделся и закричал:

— Это плагиат! Я — автор «еврейского предательства». Караул! Грабят!

Тогда появились на сцену «мазепинцы».

Новый праздник появился на улице правой печати.

— Мазепинцы! — орали «патриоты», — предатели! Они думают, что немцы им дадут «самостийность», и предают своих братьев.

«Талантливые полководцы» могли спать спокойно. Не они были виноваты в отступлении. Виноватый был найден.

Это был «изменник» мазепинец...

Потом началось отступление от Варшавы. Пошли Ковно, Вильна. Удары сыпались за ударами. Крепости наши брались с быстротой молнии.

Но на выручку талантливым полководцам явились... поляки. С поляками наши правые еще флиртовали и об «измене» их не говорили так открыто, как об «измене» евреев и «мазепинцев».

Рассказывали об их изменах полунамеками, вполголоса.

Но виновные были найдены! Это было самое важное.

Теперь армия отступает от Риги.

Отступает в том же «порядке», как отступала из Восточной Пруссии, от Варшавы, Ковна, Вильны и т. д.

Теперь ни поляк, ни еврей, ни мазепинец виновниками отступления объявленными быть не могут.

Но... виноватый нашелся. И не один, а сразу несколько:

«Большевики», «комитеты», «советы», «комиссары».

Все виноваты, за исключением виноватого.

Суворов говорил:

— Сегодня счастье, завтра счастье, но дайте же хоть немного и ума!

Можно перефразировать его слова:

— Сегодня виноватый, завтра—виноватый, но не забывайте про бездарность и бесчестность...

О. Л. Д'Ор.

«Новая жизнь», № 113, 27 августа (9 сент.) 1917 г.

КОРНИЛОВЩИНА

... И кумушки клялись со всех сторон
Что трудно жить, что лучше б по старинке.
О, ветер бунта! Опрокинув трон,
На ближнем рынке расплескал ты крынки.
И лавочник свободу презирал.
И видели Кремлевские ворота,
Как Иверской лукавый генерал [1]
Молился за успех переворота...
Мужики стоят за околицей
Ждут вестей из города стольного.
Генерал перед Иверской молится
О погибели духа вольного.
— «Помоги, великая зодчица!
Голытьба лоскуты развесила».
Генералу заплакать хочется,
Оттого, что свободным весело.
Бьет поклоны. Сулит, как водится,
Восковых свечей пуд без малого.
Помогла уж другим богородица,
Запоздала мольба генералова.

Эм. Герман.

«Растопленный полюс». Сборник стихов.

---

[1] Приехав 13 августа на Московское совещание, ген. Корнилов подчеркнул свою политическую позицию, отслужив в часовне Иверской божьей матери молебен за спасение России. Готовя вместе с кадетами и отчасти Керенским переворот, в конце августа бросает фронтовые части на Питер. Отпор К-у был дан самими массами помимо В. п. В расследовании корниловщины В. п. проявляло крайнюю нерешительность.

ХАМЕЛЕОН.

Рис. Ре-ми.

ЗАПУГАННЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ (в корниловские дни).—**Ну-ка, дай, вместо него Корнилова повешу. А не выгорит у Корнилова дело— опять Керенского на старое место вернем!**

«Новый сатирикон», № 36, 1917 г.

*

РОКОВАЯ СТАНЦИЯ

Корниловская дикая дивизия
остановлена на «Дне».

Героев «Дна»
Судьба бедна:
Никак не выбраться со «Дна»!
На дне Распутин опочил,
На «Дне» отставку получил
Царь Николай, Воейков, Нилов,
Тянувший бочками вино,
А ниже генерал Корнилов
На том же «Дне» пошел на дно.

«Вечерний курьер» №.1049, 1917 г.

КЛЕВЕТА

За спиной восставшего генерала явственно виднеется
фигура кадета.

Нам говорят, что генерала
Призвал к восстанию... кадет,
Но в этих бреднях смысла мало,
И ни крупинки правды нет:
Кадет не водит генералом,
Он, по уставу, — в чине малом;
Совсем напротив, — генерал
Его кумир и идеал.

«Вечерний курьер» (Москва), № 1041, 1 сентября 1917 г.

ПРИБЕЖИЩЕ В СКОБКАХ.

Правительство обратилось к Московскому духовенству с просьбой молебствовать о прекращении междуусобной брани. (Из газет.)

Спешите петь молебны в Лавре,
Зане пылает бунт, как горн...
Мечтали опочить на лавре,
Ан Лавр-то вышел колкий терн!

«Бич», № 34, 1917 г.

ГЕНЕРАЛЫ.

Честного найти нам нужно генерала:
Вот уже, ребята, подлинно загадка!
Честных средь начальства, ведь, известно, — мало,
А средь генералов — вовсе недохватка.
Если бы, вот, нужен был кому предатель —
Выбор наш, пожалуй, не был бы так беден:
Тут и Сухомлинов, старый наш «приятель»,
Ренненкампф, Лукомский, Марков и Каледин,
Тут вам и Корнилов и другой изменник,
Пятый и десятый — кто им счет сведет?
Эти ради власти, эти ради денег,
В розницу и оптом продают народ.
А давно ль клялись, они, бия в груди,
В верности народу, честности в бою,
И давно ли свято верили им люди
И давно ль вверяли им судьбу свою?

И надежды всех так скоро обманули...
Эх, кабы теперь хоть все за ум взялись,
Хоть теперь бы все рабочие смекнули,
Что без генералов можно обойтись!..

Ар.-Ар.

«Голос Соц.-дем.» (Киев), № 93, 5 сентября 1917 г.

Страданія слѣдователя по корниловскому (только-ли?!) дѣлу.

Шаржъ—рис. А. З

Ох, сложу-сложу
Полномочия.
На допросе пишу
Многоточия!
Упекут меня,
Друга милова.
Правду как узнать
У Корнилова?
Затаил секрет
И не кается.

На стене портрет
Усмехается.
Положеньице
Невылазное,
И в башку бредет
Несуразное.
То корнилится,
То мне керится.
Будет вправду-ль суд,
Мне не верится.

Мужик Вредный.

«Рабочий путь» («Правда») № 19, 7 октября 1917 г.

КАРУСЕЛЬ

ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Я не сеяла, не жала, —
Коалицию рожала.
Оглянуться не успела —
Коалиция сбежала.
Принялась я вновь за дело,
Вновь не сеяла, не жала, —
Коалицию рожала.
Оглянуться не успела —
Коалиция сбежала.
Принялась я вновь за дело,
Вновь не сеяла, не жала, —
Коалицию рожала.
Оглянуться не успела —
Коалиция сбежала...

«Тачка», № 3, октябрь 1917 г.

КОАЛИЦИОННОЕ ПОРОЖДЕНИЕ

Рис. Д. Моора.

Конструируется новое коалиционное министерство. *(Из газет.)*

Высшая школа верховой езды.

«Будильник», № 26, 1917 г.

КОАЛИЦИОННОЕ[1].

Если нет у вас, дети, позиции
В отношении судеб коалиции...
Повторяйте чужие ауспиции,
С плагиатом входя в коалицин.

Милюков, говорят, из амбиции
Поджидает в Крыму коалиции.
Выжидать — дипломатов традиция...
— Позовет ли его коалиция?

Какова—так сказать, интуиция?
Подскажите: разрыв? коалиция?
Подождем! Ну, а если «патриции»
За надменный бойкот коалиции?

Неужели же ждать реквизиции
«Буржуа» на предмет коалиции?

---

[1] Демократическое совещание состоялось в Петрограде с 14 по 21 сентября в Александринском театре. Основной вопрос бесконечных прений—о возможности коалиции. Дем. сов. выделило из своей среды предпарламент («бредпарламент», см. у Ленина), совещательное учреждение при Вр. пр. с крайне неопределенными функциями, в состав которого большевики не вошли.

Прежде — за портфелем.

«Нов. Сатирикон», № 34, сентябрь 1917 г.

Отвяжитесь! Страшней инквизиции
Нам пасьянс о судьбе коалиции.

Разгадай. Пред театром — милиция,
А — в театре?! Разрыв?! Коалиция?!

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 128, 28 сентября 1917 г.

КАК «СЧИТАЮТСЯ» ДЕТИ НАШИХ ДНЕЙ

(Младшего возраста, от 30 лет и старше.)

«В этой маленькой корзинке»...
Как у нас, в Александринке,
Делегаты хороши!
Гоцы, Либеры, Зензинки [1] —
Что угодно для души?

Крикса Варакса.

«Бич», № 39, октябрь 1917 г.

---

[1] Зензинка — с.-р. Зензинов В. М.

Рис. Б. Антоновского.

Теперь — от портфеля.

ВСКОЛЬЗЬ

I

Справа:
—«Браво!»
Слева:
—«Эва!..
В результате же сего,
Кроме ярости и гнева,—
Ровным счетом,—ничего!

II

Съехалось, сражается
Чудо-совещание;
Пуще разъезжается
Треснувшее здание!

III

Два кружка,
Два божка...
Плачь, Федора-Матушка!

Ирод.

«Новый сатирикон», № 34, сентябрь 1917 г.

В АЛЕКСАНДРИНКЕ [1]

Нам мерить принципы не лень:
Хороший спор—веселье Руси.
И был в разгаре третий день
Философических дискуссий.

Пространно Скобелев взывал
К отказу спешному от чванства —
Зане свирен девятый вал
Неупраздненного мещанства.

Дипломатических начал
Основы главные затронув,
О саботаже обещал
«Потом» поведать Пешехонов.

---

[1] Александринка — Александринский театр, где происходило совещание.

Скобелев М. И.—трудовик, министр труда в ряде коалиционных министерств, отстаивал идею коалиции, протестовал против создания однородного социалистического правительства, которое «все равно бы не удовлетворило всероссийского обывателя—мещанина», могущего сделать в таком случае своим кумиром буржуазные партии». Пешехонов — член партии Народных социалистов, министр продовольствия в правительстве Львова-Керенского,—видя единственный выход в коалиции с кадетами, бездоказательно отрицал обвинение кадетов в саботировании совместной работы с министрами-социалистами. Церетели, — развивая мысль Зарудного о «непомерном усилении личного момента в управлении страной», указывал на недопустимость сосредоточения всей полноты власти в руках Керенского. Зарудный — министр юстиции во 2-м коалиционном правительстве Керенского—говорил о бездеятельности правительства и роли в нем Керенского, неоднократно вызывая «дружный смех» (по отчету официозных «Известий») зала. Выдвинул идею предпарламента.

И Церетели вел рассказ,
Блюдя умело равновесье,
О роли личности у нас
И в историческом процессе.

И, непосредственности мил,
Со вздохом вспомнив путь свой трудный,
Слезливой речью рассмешил
Сентиментальнейший Зарудный,

Таков элегии финал:
Вокруг смеялись, как ни странно...
А я про пьеску вспоминал,
Где «плачет Жан—смеется Жанна».

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 31, 19 сент. 1917 г.

ПАРАД-АЛЛЕ

Сам (Керенский).

— Я — глав, я — по, я — команду-
Ющий, притом еще верховный,
От всех поэтому я жду
Покорности—и безусловной.
А тех, чьи злые голоса
Меня корят какой-то течью,—
Всех в двадцать четыре часа
Сотру в песок гремучей речью!

«Тачка», № 3, октябрь 1917 г.

КЕРЕНСКАЯ УГРОЗА и ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЗА

(Басня)

Грозил премьер, трясясь от страсти.
— «Я покажу вам силу власти!
Передо мной картуз снимай!
Скручу вас в рог, спущу с вас шкуру.
Введу такую диктатуру,
Что будет просто ай-ай-ай!
Ни для кого не стану пешкой!..
Тут кто-то вымолвил с насмешкой:
— Ты прежде Ленина пымай! [1]

«Тачка» Ем. Пиляя, № 2, 24 сентября 1917 г.

РОДНОЕ

Вижу «крах» «Александринки»,
Третьякова векселя...
Это — русские картинки,
Это — русская земля!

Вижу прелести разброда:
Этот — в Тулу, тот — в Ирбит...
Это русская природа,
Это—старый русский быт!

Ищут власть. Средь прочих кличей
Клич «Варягов!» слышу я...
Это — дедовский обычай,
Это — родина моя!..

---

[1] По решению партии, Вл. И. Ленин, после июльских дней, перешел на нелегальное положение и скрывался близ Петрограда.

— О предпарламенте вопрос
В объеме — видите ль — возрос.
К тому ж кадеты смотрят косо...
Нам нужен выход. Дайте нить!
— «Пред-предпарламент» учредить
Для обсуждения вопроса!

— Финал?
— Чудесные дела:
Гора мышенка родила.
— Мышенка только лишь? Быть может.
Я совещанье не виню,
Но... вдруг «мышенок» нам подложит
Традиционную «свинью»?!!

Эм. Кроткий.

«Новая жизнь», № 136, 24 сентября 1917 г.

CONCOURS HYPPIQUE [1]

Играя взнузданною мордой,
Вперед бросаясь напролом,
Россия в шорах власти «твердой»
Легко ходила под седлом.

[1] Отсутствие поддержки со стороны революционной демократии не давало возможности образования буржуазными группировками «твердой власти». Коалиционные правительства выдвигались одно за другим, состав их подвергался непрерывным изменениям, без всякого, однако, результата.

Разруха в тылу и на фронте, напор групп справа и слева ускорили падение беспочвенного Временного правительства, и в конце октября 1917 г. власть была взята Советами рабочих и солдатских депутатов, руководимыми большевиками.

Но мы рекли, в решеньях быстры:
— Что-ж — под седлом? А если без?
И вот уж граждане-министры
Несутся в буйном стипль-чез!
Вся репутация на карте!
И, обманувши простаков,
Угрюмо слез на самом старте
Меланхолический Гучков.
Начав легко и горделиво
И взяв с разгону первый ров,
Слетел, не одолев пролива,
Неискушенный Милюков.
В трибунах визг и хохот женский.
С капризным норовом знаком,
За гриву держится Керенский,
Взлетая с каждым бугорком.
Пот на висках—другим наука!
Ров—за горой. За рвом гора.
А ну-ка, ну-ка, ну-ка, ну-ка!..
Hip-hip-hoora! Hip-hip-hoora!

А. д'Актиль.

«Бич», № 20, 1917 г.

КАНИТЕЛЬ

(По Чехову)

На клиросе стоит дьячок Отлуковин и держит между вытянутыми жирными пальцами огрызенное гусиное перо. Маленький лоб его собрался в морщины, на носу играют пятна всех цветов, начиная с розового и кончая темносиним. Перед ним на рыжем переплете «Труда и Капитала» лежат две бумажки. На одной из них напи-

сано «о здравии», на другой—«за упокой», и под обоими названиями по ряду имен... Около клироса стоит маленькая старушонка с озабоченным лицом и с котомкой на спине. Она задумалась.

— Дальше кого?—спрашивает дьячок, лениво почесывая за ухом.—Скорей, убогая, думай, а то мне некогда. Сейчас резолюцию читать стану.

— Сейчас, батюшка... Ну, пиши... О здравии рабов божиих: Керенского и Некрасова со чады... Терещенко, Никитина, Скобелева...

— Постой, не шибко... Не от немца бежишь, успеешь.

— Написал Скобелева? Ну, теперя Савинкова, новопреставленного Пешехонова...

— Постой... Пешехонов в отставке или нет?

— В отставке,—вздыхает старуха.

— Так как же ты велишь о здравии записывать? — сердится дьячок, зачеркивая Пешехонова и перенося его на другую бумажку.—Вот тоже еще. Ты говори толком, чай, не премьер-министр будешь. Кого еще за упокой?

— За упокой? Сейчас... постой. Ну, пиши... Милюкова, Шингарева, Мануйлова... Запиши... мужицкого министра Чернова... Как вступил в кабинет, так с той поры и не слыхать, чтобы в отставку вышел.

— Стало быть, он в кабинете?

— А кто же его знает! Может, ушел, а может и нет... Ты пиши...

— Куда же я его запишу? Ежели, скажем, в отставке, так за упокой, коли в кабинете, то о здравии. Пойми вот вашего брата!

— Гм!.. Ты, родименький, его на обе записочки запиши; запиши, а там видно будет... Да ему все равно, как его ни записывай: человек аграрный... Записал?

Теперя за упокой Церетели, Кокошкина, Юренева, болящего Ефремова.

— Это Ефремова-то за упокой? Только на богоугодные заведения сел человек, а ты его за упокой!

— Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Бессмертный Ефремов, так ты так и говори, а печего его за упокой совать! Путаешь тут. Изволь вот теперь Ефремова херить и в другое место писать... Всю бумагу изгадил. Ну, слушай, я тебе прочту... О здравии Некрасова, Керенского со чады дановы и либеровы, Скобелева, Савинкова, новопреставленного Пешехонова... Постой, как же сюда этот Пешехонов попал? Новопреставленный, и вдруг—о здравии! Нет, запутала ты меня, убогая... Бог с тобой, совсем запутала!

Дьячок крутит головой, зачеркивает Пешехонова и переносит его в заупокойный отдел.

— Слушай! О здравии Скобелева, Никитина, Терещенко... Кого еще?

— Авксентьева записал?

— Авксентьева? Гм!.. Авксентьева... Министра внутренних дел...—пересматривает дьячок обе бумажки.— Помню, записывал его, а теперь... никак не найдешь... Вот он! За упокой записан!

— Авксентьева-то за упокой?—удивляется старуха.— Во втором кабинете только участвует, человек кроткий, только три газеты и закрыл на своем веку, а ты уж на него отставку накликаешь.

— Постой, не мешай...

Дьячок хмурится и, подумав, медленно зачеркивает на заупокойном месте Авксентьева. Перо взвизгивает и даст большую кляксу. Дьячок конфузится и чешет затылок.

— Авксентьева, стало быть, долой отсюда...—бормочет он смущенно,—а записать его туда. Так? Постой... Ежели его туда, то будет о здравии, а ежели сюда, то за упокой... Совсем запутала баба! И этот еще мужицкий министр Чернов... Ничего не разберу. Надо сызнова...

Дьячок лезет в шкапчик и достает оттуда осьмушку чистой бумаги.

— Выкинь Чернова, коли так...—говорит старуха.— Уж бог с ним, выкинь...

—Молчи!

Дьячок макает медленно перо и списывает с обеих бумажек имена на новый листок.

— Я их всех гуртом напишу, — говорит он,—а ты неси их к Чхеидзе. Он грамотный, в Смольном институте обучается, а я этих самых делов, хоть убей, ничего не понимаю,

Старуха берет бумажку, дает дьячку последний номер «Новой жизни» и семенит в Смольный институт.

Виктор Севский.

«Бич», № 39, октябрь 1917 г.

ЧАСТУШКА.

«Самосуды» нынче быстры,
Не губи во цвете лет, —
Не тащи меня в министры,
Видит бог, я не кадет.

«Новая жизнь», № 139, сентябрь 1917 г.

*

47 р. 50 к.,

или точная оценка Чернова [1]

Когда Чернов покинул пост министра земледелия, между его сослуживцами было решено собрать деньги на подарок бывшему министру. Сослуживцев этих более тысячи, а собрали они до сих пор ровным счетом 47 р. 50 к.

Когда из кабинета вылез, —
Вздохнул: — «Ах, кто меня заменит?
Меня история оценит!..»
Чего там ждать? Уж оценили-с!..

Контр.

«Тачка» Ем. Пиляя, № 3, 1 октября 1917 г.

ПЕРЕПЛАТИЛИ [2]

Кадеты предложили премьеру семь пунктов, на которых они готовы войти в состав правительства.

Первый пункт:

Война до победного конца.

Премьер заявил представителям партии Народной свободы, что эти условия он принимает. (Из газет.)

Яица
Кусаются;
Мыло
Под облака взмыло;

[1] Чернов В. М. — один из руководителей партии эсеров, министр земледелия в первом коалиц. правительстве Керенского, вышел в отставку в начале июля.

[2] После длительных переговоров и упрашиваний Керенского кадеты вошли в состав сентябрьского Временного правительства как «представители общественных групп».

Все вздорожали припасы, —
Керосин, масло и мясо.
Не подступишься ни к какому товару.
Но такая дороговизна недоступна понятию, —
Чтобы за плохеньких кадетишек пару
Отдать всю русскую демократию.
И душа тоскою палима:
— Вот где такса необходима!..

С — бег.

«Будильник», № 27, август 1917 г.

МИНИСТЕРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Чреват опасностью наш век:
Живешь, резвишься в темпе быстром,
А завтра — где ты, человек?
Тебя назначили министром!

Не смеем честью пренебречь...
Но скоро прошлое подгадит:
Откроет девственная «Речь»,
Что не безгрешен твой прапрадед.

Вздохнет, «сочувственно» скорбя:
— Увы! В мешке не скроешь шила,
Пусть ты безгрешен — за тебя
Твоя прабабушка грешила!

В мешках улики принесут,
Родит немедля Бурцев справку,
О, да — подать ты можешь в суд,
Но перед тем подай в отставку!

Удел министров на Руси!
Их век недолгая неделя...
Молитесь: Господи, спаси
От министерского портфеля!

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 84, 1917 г.

КРИЗИСЫ

(Вопли уличного газетчика)

1

«Кризис Временного правительства. Все Временное правительство во главе с Зимним дворцом подает в отставку. Министры не хочут больше состоять!..»

2

«Кризис обастривается. Временное правительство остается. С утра шел мелкий дождь, — вечером было заседание партии «Народной свободы».

3

«Кризис правительства. Министры Терещенко и Скобелев подали в отставку на улице. Министр Терещенко взял свое прошение об отставке обратно. Министр Скобелев пока думает!»

4

«Кризис Временного правительства. Министр Скобелев думает. Партия «Народной свободы» категорирует: или мы пусть будем, или социалисты пусть не будут!»

ОН СПАСЕТ

— *«Когда отечество в опасности — спасайте его»! (из речей гг. Рябушинских).*

— Спасайте! Стыдно сидеть, сложа руки, когда отечество в огне! Пусть каждый спасает что может!

«Нов. Сатирикон», № 33, сентябрь 1917 г.

5

«Кризис Временного правительства. Министр Скобелев перестал думать. Министр Чернов подал в отставку. Плакал, когда уходил. Такое положение: «Хоть плачь, хоть вскачь».

6

«Кризис Временного правительства. Министр путей сообщения уехал на похороны родной матери, но принужден был вернуться, потому что мать не умерла... по семейным обстоятельствам. Временное правительство подает в отставку!»

7

«Кризис Временного правительства. Временное правительство не приняло отставки Временного правительства.

Эль-Ми.

«Будильник», № 27, август 1917 г.

ВЛАСТЬ

— «Благословенна власть господня!..
Бог — нам прибежище и сила!..» —
Кадеты молятся сегодня,
И «Речь» язык свой прикусила.
Мысль буржуазная убога:
«Нет власти, аще не от бога!»
А власть, едва лишь став на ноги,
Уже от смены ждет подмоги.
Несть власти аще... аще... аще...
Сменяйся, милая, почаще.
Так, понемножечку, с подходу,
Глядь — перейдешь ты вся... к народу!

Демьян Бедный.

«Правда», № 48, 1917 г.

СМЕСЬ

Лен не родится, и мочала пригодится..

(Народная поговорка.)

Власть Советов не родится,
Так и Кишкин пригодится.
Если Кишкина не будет
(Скоро выдохнется весь),
То Керенский вам добудет
И романовскую смесь.

Но позорной смеси этой
Даст пинка наш Съезд советов.

Ив. Логинов.

«Солдат», № 54, 18 октября 1917 г.

С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Буржуазная печать усиленно муссирует слухи о готовящемся, будто бы, покушении на Керенского.

Пахнет в воздухе погромом.
Тот с ножом, а этот с ломом;
Из-под лавки тот топор
Вынул ржавый с давних пор,
А другой достал фузею,
Что была б под стать Гамзею.
Там — револьвер, там — кастет:
Всякий рад вооружиться.
У кого ж дреколья нет, —
Тем Керенский пригодится.

Ф.

«Будильник», № 24, июль 1917 г.

ЭВОЛЮЦИЯ А. Ф. КЕРЕНСКОГО

В марте — главнообещающий и главноуступающий.

В июне — главноуговаривающий.

В июле — главнострадающий.

В августе — в Москве на совещании в первый день — главноугрожающий.

На третий день совещания — главнорыдающий.

К сентябрю — главнокомандующий.

К октябрю?..

«Бич», № 35, сентябрь 1917 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ?

«Кубанские казаки выдвигают кандидатуру А. Ф. Керенского на пост... всероссийского патриарха» (газ. «Вольный Дон», № 128).

«Известия всеросс. совета приходских общин» пишут по этому поводу, что «полной уверенности в согласии на это министра-председателя не имеется. По всей вероятности, он не откажется, если это будет возможно совместить с постом верховного главнокомандующего».

Все это — не из «Истории Глупова», а из самой настоящей действительности.

Как известно, гражданин Керенский — «глава государства» и «верховный главнокомандующий». Своим возмутительным вмешательством в судебное следствие над Корниловым, с которым он сам был в стачке, Керенский показал, что ему не чужда идея быть верховным судьей.

Теперь сюда присоединяется еще роль верховного жреца. Что это такое, как не возрожденный цезаре-па-

низм самой чистой марки? Что это, как не возрождение самодержавия в самой гнусной, поповской форме?

Но все же будущему историку придется не мало ломать голову над вопросом, чем была партия «социалистов», «революционеров» и проч., во главе которой стоял кандидат во всероссийские патриархи.

Одно можно сказать: старания г. Руднева, являвшегося на поклон к черносотенцам в ризах, пошли впрок. Остается ждать, что генерал Каледин предложит теперь Рудневу место игуменьи в каком-нибудь доходном монастыре.

К. Т. [1]

«Социал-демократ», № 179, 10 октября 1917 г.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЭС-ЭР [2]

Ревнуя к славе Беранжера
И лиру подновив свою,
Его величество эс-эра
Сим верноподданно пою:
Осанна славному! Осанна!
Для царского он создан сана,

[1] Заметка принадлежит Н. И. Бухарину, писавшему в «Социал-демократе» под псевдонимом «К. Твердовский».

Руднев — с.-р., московский городской голова в 1917 г.

[2] Партия социалистов-революционеров в дни Февральской революции приобрела большую популярность, благодаря расплывчатой и многообещающей программе. Временный успех явился пагубным для единства партии, к октябрю насчитывавшей три различные группировки. Официальный раскол партии произошел в ноябре 1917 г. «Земля и Воля» — лозунг эс-эров.

Он всем пример,
Он важный сэр —
Его величество эс-эр.
Уподобясь Будде и Браме,
Но без мистических красот,
Он по испытанной программе
Стада российские насет.
Программно-мудр, программно-ласков,
Программно-строг к делам поднасков,
Он всем пример,
Сей важный сэр —
Его величество эс-эр.
Он хитростей не разумеет,
Haute politique — ему смешки...
Но ах! Как тонко он умеет
Прикрыть партийные грешки
И никому не дать в обиду
Свою партийную Фемиду!
Другим пример,
Сей важный сэр —
Его величество эс-эр.
Власть простерев свою далече,
Печет экспромты, как блины,
Произносить он ездит речи
Во все концы своей страны:
Одних честит, других хоронит —
И цицеронит, и цицеронит...
Он всем пример,
Он важный сэр —
Его величество эс-эр.
Среди монархов — недомерок,
Но пышность царскую любя,

Двор из эс-эров и эс-эрок
Завел он все ж вокруг себя:
И окружен их пышной свитой,
Ступает с миной деловитой...
Всему пример,
Сей важный сэр —
Его величество эс-эр.

Не склонен к перемене ролей,
Храня суровый облик свой,
Он каждый день ложится с Волей,
Он каждый день встает с Землей.
Но, убеждаяся все боле,
Что толку нет в Земле и Воле,
От злости сер,
Сей важный сэр —
Его величество эс-эр.

Но верноподданное стадо
Непостояннее, чем страсть:
Того им дай, того — не надо,
То — власть нужна, то — к чорту власть.
И как нибудь, садясь за ужин,
Вдруг мы решим, что он — не нужен,
Pas nécessaire —
Сей важный сэр —
Его величество эс-эр.

И будут громки злые клики
И яры шаткие умы,
И се: падет Монарх Великий
Во прах забвения и тьмы.
И мне — придворному поэту —
Велят осанну петь — кадету!

Пусть, мол, без бед
Царит сто лет
Его величество кадет!

А. д'Актиль.

«Журнал журналов», №№ 33—35, 1917 г.

ПРОРОЧЕСТВО

Нахмурясь, вещая Кассандра
В туман грядущего глядит:
— Не усидела Александра,
И Александр не усидит!..

«Тачка» Ем. Пиляя, № 6, 22 октября 1917 г.

ОКТЯБРЬ

ПОХОРОНЫ

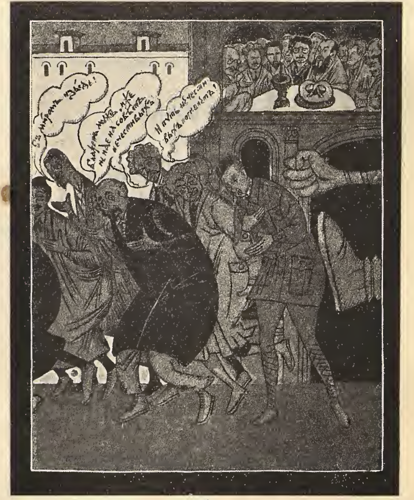
У буржуев шумный пир,—
Ну, и пир.
Всех повесить, кто за мир,—
Кто за мир?
Поднялся веселый крик, —
Ну и крик.
Умер, умер большевик,—
Большевик?
Со святыми упокой,—
Упокой.
Шевелит мертвец рукой,—
Ох, рукой.
Большевик открыл глаза,—
Ой, глаза.
Неужель — опять гроза?
Да, гроза!

Покойник [*Д. Бедный*].

«Рабочий» («Правда»), № 2,
сентябрь 1917 г.

ЕЩЕ ИКОНОПИСЬ БУДУЩЕГО ВЕКА.

Рис. Синуса.

Исходъ праведныхъ о Гдѣ изъ совѣта нечестивыхъ.

«Бич», № 37, 1917 г.

[Победа большевиков в советах в изображении желтого карикатуриста. Нарисованы (справа налево) — Керенский, Чернов, Скобелев, Чхеидзе, Церетели, Дан. *С. Д.*].

СПОР[1]

Как то раз, среди панели,
Хмуря мрачный взор,
С Милюковым Церетели
Вел великий спор.

— Берегись! — под шум и гулы
Произнес кадет:
— Большевистские акулы
Слопают совет.

Троцкий, Каменев, Рязанов,
Захватившп власть,
Вас с Чхеидзе, как баранов,
Из совета — шасть!

— Не боюсь большевиков я, —
Церетели рек:
— Полон мощи и здоровья
Меньшевик эс-дек.

Не хвалися так до пота! —
Милюков сказал:
— Вот с президиумом что-то
Маленький скандал.

[1] 31 августа (ст. ст.) 1917 г. Петроградский совет раб. депутатов впервые принял большевистскую резолюцию. Соглашательский президиум (предс. Чхеидзе) сложил полномочия. 9 сентября произошли перевыборы, передавшие руководство советом партии пролетариата — большевикам.

От Кронштадта, Гельсингфорса,
От Невы-реки,
Кулаком грозя для форса,
Прут большевики.
Словно воины, в траншеи
Жарят без препон
И президиум в три шеи
Выгоняют вон.
Церетели, жутью скован,
Ухо почесал,
Стал считать большевиков он
И не сосчитал.

Сэр Дим.

«Живое слово», 12 сентября 1917 г.

ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

(Скучный фарс в трех картинах и четырех бездействиях.)

Картина I

Министерство без социалистов, но с Керенским.

Гучков Иванович, сын Милюковский, чинит «патриотические» бредни и поет:

И на врата златые Цареграда
Олегов щит мы водрузим!

(Вдали не то гром, не то пальба. Гучков схватывает бредни и убегает.)

Картина II

Коалиционное министерство, но не без участия Керенского.

Коновалов (уходя):

Моя хата с краю,
Ничего не знаю.

Кадеты министры (мрачным хором).

Разорю — не потерплю,
Малороссию — расформировать,
Финляндию — расстрелять,
Большевиков — четвертовать,
Крестьянам... земли не давать!

(На Невском стрекотанье пулеметов,[1] кадеты убегают. Всеобщее смятенье.)

Картина III

Те же без кадетов, но с кадетами[2] с Александром Федоровичем во главе.

Все (хором).

Пиф-паф, пиф-паф,
Врагов отчизны искореняем,
Работаем, не отдыхаем.

Корнилов (из-за кулис): —

Иду, иду на помощь вам,
На страх всем внутренним врагам.

---

[1] 3—5 июля.

[2] Послеиюльское правительство Керенского, в которое кадеты вошли как «представители общественных групп».

Министры «социалисты», во главе с Керенским (испуганно):

Опять о «внутренних» врагах,
Нас что-то разбирает страх.

(Под Корниловым трещит и рвется железнодорожное полотно: Корнилов вваливается в подземелье.)

Картина IV

Бездействие идиллическое.

Те же с кадетами; опять на сцене Корнилов и многие другие из «бывших». Из-за кулис нерешительно, но с достаточной наглостью в лице выглядывает Гучков Иванович, сын Милюковский. Все расположились по семейному, но без Александра Федоровича Керенского во главе.

Алексей Максимович Никитин, [1] чинит железнодорожное полотно, которое рвут с одной стороны почтовый и телеграфные союзы, с другой — голодные железнодорожники. (Поет):

Еду, еду — не спешу,
А наеду...

(Треск, шум. Кулисы разваливаются. За сценой яркое утро, пение птиц, весеннее солнце. Станция, среди яркого зеленого леса.)

Молодой, веселый задорный голос (кричит).

Станция «Большевики»!
Приехали...

(Занавес)

Иван Шило.

«Социал-демократ», № 170, 1917 г.

[1] Никитин А. М. — министр путей сообщения.

КАЛЕНДАРЬ РЕВОЛЮЦИИ [1]

(1917 г.)

Я не историк. Прост мой метод.
Мой путь — листки календаря,
Открою: год великий этот,
Как все, был начат с января.
Был русский вид в старинном вкусе:
Дворец. Острог. Казарма. Сплин.
И — самодержец всея Руси,
Незанимательный блондин.
Была тюрьма гостеприимна.

---

[1] «Незанимательный блондин»—Николай Романов. «Царский дядя» — Н. Н. Романов, бывший в 1915 — 1916 гг. верховным главнокомандующим. «Телеграфирует Родзянко»—26—27 февраля Родзянко слал царю верноподданнические телеграммы, указывая на необходимость составления нового кабинета министров в целях спасения династии. «В весеннем месяце апреле» — 18 апреля в Петербурге состоялась рабочая и солдатская демонстрация протеста против империалистической политики правительства, в итоге чего министр иностранных дел Милюков и военный и морской министр Гучков должны были подать в отставку. Кн. Львов вышел в отставку после событий 3—5 июля. «Российский Бонапарт»—подразумевается ген. Корнилов. Бонапартом называли также Керенского (см. выше) в виду стремления обоих к единоличной диктатуре. «Совет пяти» — в дни корниловского мятежа Керенским была образована т. н. «директория», в которую вошли министры Керенский, Верхдеревский, Верховский, Никитин и Терещенко. Просуществовала до 25 сентября. Демчинский — инженер, пытавшийся научно обосновать предсказание погоды. Чхеидзе Н. С. — меньшевик, председатель Петр. совета р. и с. д. первого созыва, председательствовал на Демократическом совещании. «Гора» — Демократическое совещание.

Рескрипты. Думы. Звуки гимна.
Шпиков, жандармов частокол
И полицейский протокол.
Зевали. Сплетничали, глядя
Глазами сонными окрест...
А долговязый царский дядя
Над фронтом высился, как шест.

. . . .

Загробной мудрости внимая,
Глядел в мистическую даль
(В ней Ц. И. К. не замечая!)...
И вот история такая.
«Люблю грозу в начале мая», —
Ан, вдруг, обрадовал февраль.

. . . .

Просили хлеба мы. Хабалов,
Увидев тонкий в сем намек,
Спросил: — «И зрелищ?» Хлебопек
Из полицейских генералов,
Ретивый мастер скверных дел
Для нас дрожжей не пожалел.
Но... булка — скромная приманка!
Мы к булке требуем свобод.
Вооружается народ.
Телеграфирует Родзянко:
«Слегка» захватывая власть,
Он хлопотал о . . . венценосном,
Боясь в историю попасть —
(Отнюдь не в смысле переносном).

. . . .

Старик торжественен и мрачен.
Ему, придворному, никак

Фригийский жалуют колпак?
Надень — иль... будешь околпачен.
Я не виню его: старик
К фуражке форменной привык.
Судьба капризна: будь... Маратом!
Сводя враждебные концы,
Парадов помня образцы,
Он взбунтовавшимся солдатам
Кричит: «Здорово, молодцы!»
Таков судьбы характер женский!
Смотри: горюч, как динамит,
Успеха баловень, Керенский
Грозой ликующей гремит.
Вот, первой радостью объяты,
Горя желанием одним,
Итти бестрепетно за ним
Клянутся пламенно солдаты.
Смеется рок: — наступят дни —
За ним погонятся они!..
Весна. Алеют флагов рощи, —
Февральский красный карнавал,
Вот горемыкинские мощи
Вознес на гребне бурный вал.
Он хмур. Согласно этикету,
Сановник требует карету.
Не слышат. Чопорный старик
Надменно сел на грузовик.
Зимы российской бита карта.
(Пошедшим с пик — бубновый туз).
Закономернейший конфуз:
Вредят царям погоды марта, —
С тех пор как в марте некий Брут

Организует самосуд.
Пути истории негладки,
Но, не предвидя пересадки,
Царь вопрошает в полусне:
«Где мы?» — И слышит: — «Мы — на Дне».
Насмешник рок лукав и ловок,
Я понимать тебя привык,
О, символический язык
Глухих российских остановок!
Я знаю: многим суждено
Познать неведомое «Дно».
Несутся шумные недели,
Разбег истории не слаб,
В весеннем месяце апреле
Мы налетели на ухаб.
Эй, вы, полегче! Тише, тройка!
Телега русская трещит.
Кто говорит — Олегов щит?
Увы! Скептическая Мойка,
Отвергнув славу бранных дел,
Не пожелала Дарданелл.
— «Мол, где «земля»? Вы «воду» льете...
Скандал! Не выдержав толчков,
Сошли Гучков и Милюков
На благополучном повороте.
А Львов, продлив еще вояж,
Все ж упаковывал багаж!
. . . .
Меж тем посмеивался рок.
Подул осенний ветерок.
Раз... два... реакция готова.
О, легкомысленный азарт!

Верхом из града Могилева
Грядет российский Бонапарт.
Жужжит сенсация, как овод,
Прямой распутывая провод —
Известно, Савинков тогда
Совсем запутал провода.
Безлунный август дружен с мраком
Вот-то-то, други, и оно.
Меж тем классическое «Дно»
Встает пред русским Кавеньяком.
О, символический предел
Всех мастеров понятных дел.
К свободе прочную подпорку
Мы приставляем... Не шути!
И рок подставил нам пятерку,
Ее назвав: «Совет пяти».
Сентябрь. Однако же июлем
Запахло в воздухе сыром.
Ужель, Демчинский, грянет гром?
Чхеидзе желтый, как пергамент,
Глушит звонком «приветствий» хор
Уже. Не нужен акушер.
Гора рождает... Предпарламент,
Сей обреченный наперед
Любви несчастной явный плод.
Недолго жил младенец хилый.
За ним мелькнули точно сон:
«Живая брань»... «живые силы»...
В газетах... карканье Сибиллы...
И — колокольчика трезвон.
Октябрь. Керенский с властным жестом
Грозит Ульянову арестом.

— В тюрьму! — пришла «Биржевка» в раж,
И, смотришь, вдруг... какой пассаж.
Девятый вал грозою вспенен
(Судеб превратности пример),
Смотрю знакомое: «премьер»,
Но под «премьером» росчерк «Ленин».

Эмиль Кроткий.

«Новая жизнь», № 214, 13 января 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РИСУНКИ.

4893
2 р. 25 к.